Шестой знак. Том второй

Автор:
Александра Лисина

Шестой знак. Том второй

Александра Лисина

Игрок #13

Для Гайдэ нет ничего важнее, чем обязательства перед своей землей и обещание, данное королю Валлиона. Даже оказавшись бог знает где, она всей душой стремится вернуться на Во-Аллар, ставший ей настоящим домом. Но не все так просто с возвращением – чтобы вновь увидеть родных, Гайдэ нужно отыскать ангела и демона, запечатавших этот неполноценный мир нерушимой печатью, создать портал, удержать и без того начавший разрушаться Купол… но для Ишты нет ничего невозможного. Особенно когда рядом есть верные друзья, на которых можно полностью положиться.

Александра Лисина

Шестой знак. Том второй

Пролог

«Если не знаешь, куда идти, остановись ненадолго, закрой глаза и прислушайся к своему сердцу – оно всегда знает правильный путь».

Совет путника

И снова это был сон – тревожный, мрачный, но при этом поразительно похожий на реальность.

Темнота. Тишина. Безмолвное величие Пустоты, мгновенно гасящее любой звук и делающее невозможным любой разговор.

Я стою, как и прежде, возле убегающей в бесконечность преграды и с тоской смотрю на взбешенного брата, который, судя по новым ранам на руках и груди, с нашей прошлой встречи так никуда и не уходил.

«Остановись, – беззвучно шепчу ему, надеясь, что хотя бы сейчас он услышит. – Не надо. Пожалуйста, остановись, брат… я не хочу тебя потерять…»

Увидев меня, он застывает, а в его глазах появляется безумное облегчение.

«Слышишь?! – шепчу в дикой надежде. – Ты меня слышишь?!»

Дем, поколебавшись, наклоняет рогатую голову.

«Гайдэ?» – едва заметно двигаются его губы, обнажая кончики острых клыков.

Я с облегчением улыбаюсь и, медленно-медленно подняв немыслимо тяжелую руку, тоже киваю.

«Сестра?! – повторяет он, всматриваясь в мое лицо. – Ты и правда живая, или нам пора искать тебя в Тени?»

«Порядок», – делаю ему знакомый еще со старых времен знак. Пальцы, правда, онемели, едва гнутся. Подушечек вообще не чувствую, да и тело будто чужое. Но Дем понимает – улыбается и, опустив напряженные плечи, выдыхает. Да так мощно, что густое облачко пара, сорвавшись с его губ, умудряется отлететь на два шага и только там застыть беловатым сгустком, который неимоверно медленно начинает рассасываться в Пустоте.

«Где ты?» – спрашивает Дем, нетерпеливо дернув крыльями.

Развожу в ответ руками, не зная, как объяснить. Потом все-таки додумываюсь изобразить дырку в полу, свое стремительное падение… он хмурится, понимая едва ли половину того, что я хочу сказать, но терпеливо ждет, когда я закончу. А у меня нет ни времени, ни подходящих слов, чтобы объяснить свое местоположение. Одно только могу ему шепнуть:

«Во-Аллар… Пустыня…»

Больше ничего сказать не успеваю – губы сводит от холода, а щеки все быстрее покрываются густым слоем инея.

«Как до тебя добраться?» – снова спрашивает он, когда у меня заканчиваются силы, а пальцы перестают двигаться.

Выразительно смотрю на разделяющую нас преграду. Но как только он пытается рвануться навстречу, нахожу в себе силы, чтобы со скрипом согнуть заледеневшие пальцы и сделать останавливающий жест.

«Здесь смерть, – снова показываю ему на стену. – Тебе не пройти».

«Обходной путь? – еще больше хмурится он. – Тень?!»

С трудом шевелю непослушными губами и шепчу единственное, что приходит в голову:

«Лин».

Он переспрашивает, а потом удрученно качает головой. И я разочарованно вздыхаю – значит, мой кровный брат еще не вернулся. Жаль.

«Как вы? – торопливо делаю новый знак, пока окончательно не превратилась в ледышку. – Эннар?..»

«Сходит с ума, – криво усмехается брат и подносит к виску указательный палец, изображая пистолет. Нахватался у меня из памяти, негодяй. Но все равно непонятно, кто там из них уже готов застрелиться. – Ищет. Ждет. Надеется».

«Скажи…»

«Скажу, Гайдэ, – стирает усмешку он. – Ты только дождись. Мы тебя вытащим».

Я слабо улыбаюсь, а потом у меня резко темнеет в глазах: Тень, наконец, добралась до своей жертвы и снова выпила мои силы до дна. Играючи вышвырнув из своих владений и обдав напоследок мое сердце смертельным холодом, неохотно отпустила восвояси. В который уже раз.

Вот и говори после этого, что у нее нет никаких чувств…

– Дем?! – вскрикнула я, открывая глаза в собственной постели и уже не понимая, где сон, а где явь. Тело все еще чужое, будто скованное арктическими льдами. В глазах туман. За щеки кусает знакомый морозец. Ноги ватные, руки едва шевелятся, каждый вздох – как испытание, а каждое движение – как пытка…

С трудом придя в себя, я попыталась сесть, поражаясь собственной немощи, но потом ощутила, как что-то мешается в глазу, осторожно сняла с ресницы крохотную льдинку, которая тут же растаяла в ладони. Несколько мгновений неверяще смотрела на прозрачную лужицу, которая до сих пор неприятно холодила кожу, а потом прошептала:

– Значит, все-таки не сон…

После чего глубоко вздохнула и, мгновенно позабыв обо всем остальном, крепко, до боли, зажмурилась.

Отступление 1

– Ну и что на этот раз? – недовольно фырчит Айд, снова ощутив настойчивый зуд в левом ухе. – Кому я опять понадобился? Велено ж было – не беспокоить!

– Опять зовут? – интересуется Аллар, даже не думая скрывать насмешки.

– Да, – рычит Зверь, поднимаясь на мощных лапах и сердито отряхиваясь. – Обычно мои демоны смирные – между собой грызутся, но меня не вмешивают – боятся. А тут, наверное, от твоих пернатых заразы нахватались, пока в прошлый раз выясняли, кто прав, кто виноват. Вот и дергают по пустякам… впрочем, пойду проверю, что ли? Вдруг что серьезное случилось?

– И я, пожалуй, пойду, – задумчиво отзывается светлый, уловив идущий из Пустоты легкий перезвон, похожий на звучание хрустального колокольчика. – Два зова в одно и то же время – не к добру, не находишь?

Айд недобро оскаливается.

– Сейчас все выясним. И если окажется, что Равновесие опять сместилось… эй, где там наша упрямая Ишта?

– А и правда, где? – неожиданно хмурится Аллар. Затем прислушивается к чему-то, хмурится еще больше и, поднявшись с облюбованной кочки, резко отворачивается от уже созревшего нового мира. Таким же резким движением разрывает ткань мироздания, быстро шагает в образовавшуюся щель и уже оттуда сухо бросает непонимающе трясущему головой Айду: – Проверь-ка свое Подземелье, брат. Кажется, у тебя там назревает волнение.

Тот замирает на миг, к чему-то прислушиваясь, после чего вспыхивает адским пламенем и тут же исчезает, оставив после себя оплавленный по краям камень, густой черный дым, медленно рассеивающийся в пустоте, да ощущение смертельной угрозы, от одного запаха которой недавно родившаяся звезда пугливо мигает, затем снова вспыхивает и в мгновение ока сжигает оставленный без присмотра мир…

Глава 1

Этим утром платье снова налезло на меня с трудом. Не знаю уж, в чем было дело, но подарок водяного вдруг так стал жать в груди, словно платье село, как некачественный трикотаж после стирки. Разумеется, после предупреждения мастера Гриоло я и без того ждала, что оно окажется с подвохом. Но все же не

думала, что оно превратится в корсет. Надо будет потом потрясти тцара за жиденькую бороденку и выяснить, какого демона он устраивает такие подлянки. Не в русалку же меня решил обратить, в самом-то деле?!

Впрочем, по здравому размышлению я решила не переодеваться – проснулась-то я поздно, так что время уже поджимало: надо было идти на встречу с повелителем, а перед этим успеть переделать кучу самых разных дел, большинство из которых не терпело отлагательств. И дернул же меня Айд проспать так долго…

Бурча на неправильные местные рассветы, я поспешила собраться и, наградив валлионцев очередным набором заданий на день, выбралась из гостевого крыла. Господина Иггера на этот раз с собой не взяла – в его присутствии не было необходимости, а вот Нига, конечно, прихватила.

До знакомой беседки мы добрались в мгновение ока – слуга только буркнул себе под нос какую-то белиберду, щелкнул пальцами, и все. А там нас уже ждали: владыка Элойдэ-шаэрэ, как чувствовал, явился на встречу чуть раньше оговоренного срока, поэтому я не успела ни оглядеться, ни коснуться земли, ни даже ощутить ее настроение. Эх, надо было попросить Вегу будильником поработать…

Ниг при виде повелителя тут же согнулся в три погибели и поспешил исчезнуть, а я медленно спустилась со ступенек и вежливо наклонила голову.

– Доброе утро, леди, – ровно поприветствовал меня владыка. – Видимо, вы еще не привыкли к нашему ритму жизни, раз встаете в такую рань.

Конечно, когда бы мне привыкнуть? Всего-то неделя прошла!

Я кивнула.

– Это верно: на большей части Во-Аллара принято вести дневной образ жизни. Но я ценю, что вы об этом не забыли.

Повелитель едва заметно усмехнулся, подавая руку, но ничего не ответил. И вообще, сделал вид, что не понял намека. Вместо этого он спросил:

– Какую часть сада вы желали бы сегодня осмотреть?

– А есть разница?

– В общем-то, нет. Но если позволите, я покажу вам самые интересные места.

Иными словами, мне покажут лишь то, что считают необходимым, а все остальное постараются оставить за рамками этого осмотра?

– На ваше усмотрение, – вынужденно согласилась я, раздумывая, как бы извлечь из этого максимальную пользу.

Владыка принял мои слова как руководство к действию и решительно двинулся вглубь сада. Однако если в прошлый раз я следовала зову земли и шла куда-то на северо-восток, то теперь мы направились в противоположную сторону. Мимо все таких же пышных кустов, цветущих скупыми сиреневыми цветками, гигантских папоротников, высоких деревьев, стремящихся закрыть своими кронами небо… причем шли достаточно быстро. Вернее сказать, это владыка пер в известном лишь ему направлении с настойчивостью дикого лося – целеустремленно, не обращая внимания на отдергивающиеся с его пути стебли и корни и только что не проламывая собой густую растительность. Разумеется, не оглядываясь, чтобы уточнить, успевает ли за ним гостья. И больше ни словечком со мной не обмолвился, пока не отыскал какой-то закуток, полностью очищенный от деревьев, и не указал на два кресла, поставленных каким-то ретивым слугой прямо посередине импровизированной поляны.

Признаться, я сперва не поняла, что к чему: абсолютно круглый кусок старательно скошенного газона, сдвинутые к краю и обвязанные веревками стебли местной разновидности шиповника; ни единого цветка вокруг; ни ветерка; железная сетка, сдерживающая буйство раскинувшихся снаружи зарослей. А посреди всего этого «великолепия», словно апофеоз победы человека над природой, красовались два массивных кресла, буквально воткнутых в землю до середины кованых ножек, и тяжелый, частично погрузившийся в почву столик, смотрящийся тут откровенно неуместно.

Единственное, что радовало глаз – сравнительно невысокое, но при этом внушающее уважение величиной своей кроны дерево, под которым можно было не опасаться жгучего солнца. Но почему именно тут? И зачем мы вообще сюда

пришли?

Я, честно говоря, планировала иное развитие событий.

– Думаю, здесь нам будет удобнее разговаривать, – безапелляционно заявил повелитель в ответ на мой вопросительный взгляд.

Я окинула взглядом неуютную до крайности поляну и вздохнула. После чего присела на краешек предложенного кресла, гадая про себя, с чего бы лучше начать.

То, что разговор будет трудным, было ясно – повелитель, хоть и попросил вчера о помощи, не производил впечатления человека, готового идти на уступки. Несмотря на то, что сам он прекрасно понимал необходимость перемен, доказать ошибочность его позиции по отношению к собственным владениям, будет нелегко. Более того, я подозреваю, что он, посчитав обычный спор ниже своего достоинства, может упереться рогом и банально проигнорировать мои слова. Знаете, есть такой термин в психологии – «отрицание» называется. По принципу: если я чего-то не вижу, значит, этого нет. Очень удобно, между прочим, если не хочешь замечать какую-то проблему. Особенно, если уверен в собственной правоте, считаешь себя непогрешимым и умеешь оперировать умными терминами, которые, как тебе кажется, неизвестны оппоненту.

А с таким собеседником тяжело работать. Аргументы для него – не повод признать чужую правоту. Он обязательно будет сомневаться, сравнивать, оценивать, проверять и перепроверять… к сожалению, для него важно лишь собственное мнение. Все остальное – второстепенно. Так что задача передо мной стояла не из легких.

– Я внимательно вас слушаю, леди, – с вежливой улыбкой предложил начать разговор владыка.

Я мысленно усмехнулась, но, сдержав рвущуюся с языка колкость, довольно мирно поинтересовалась:

– Скажите, сударь, что вам известно о Знаках?

Он ненадолго задумался.

– Знак дарует человеку полную власть над землями, которые он оберегает.

– Не всегда человеку и не совсем дарует, но в целом верно. Это все?

– А вам нужно еще что-то? – удивился повелитель. – По-моему, этого вполне достаточно, чтобы ухватить самую суть.

Я молча покачала головой, и он поморщился.

– Ну хорошо. Помимо этого, Знак позволяет своему Хозяину разговаривать с землей, животными и птицами. Может потребовать у них помощи для Хозяина или заставить их сделать то, что нужно ему. Знак способен изменить землю так, как прикажет владелец. Горы, долины, леса… все, что захотите. Хоть реки повернет вспять, если ему будет угодно. И еще он дает Иште неограниченную власть над живыми, какую никто из простых смертных никогда не получал. Я прав?

Я озадаченно нахмурилась.

Ну, в принципе… в целом и общем, так сказать, зерно истины в этих словах есть. Но вот то, КАК оно было преподнесено, мне откровенно не понравилось. Чем-то отдавало от этих слов… мерзким. Была в них какая-то горечь, едкое послевкусие, от которого хотелось поскорее избавиться.

– Скажите, сударь: откуда у вас такие сведения?

– Из семейного архива, – тут же насторожился владыка. – А тот был создан еще в те времена, когда мои предки пришли сюда с Во-Аллара.

– Вы хотите сказать, что эта информация дошла сюда еще с тех давних времен? – суховато уточнила я.

– Эти сведения передаются из поколения в поколение.

– Скверно… мне казалось, что несколько тысячелетий назад к Иштам относились иначе. И даже если предположить, что время в наших мирах течет иначе, все равно картина получается довольно мрачная. Хорошо, давайте продолжим и оставим разъяснения на потом.

– Почему не сейчас? – ощутимо напрягся повелитель.

– Потому что я хочу сперва понять, что происходит, – так же сухо пояснила я. – Пока вы рассказали, чем может быть полезно слияние со Знаком. Но еще ни словом не обмолвились о том, какие неприятности он способен принести. Об этом есть что-нибудь в ваших архивах?

Владыка наморщил лоб.

– Знак требует от своего носителя хранить полученную во владение землю в безопасности. Оберегать ее границы. Следить за порядком. Не допускать катаклизмов и войн…

Я кивнула.

– Еще?

– Это все, – хмуро посмотрел на меня мужчина и с подозрением прищурился. – Вам мало?

– Это – почти ничто, – так же хмуро ответила я и тяжело вздохнула. – Сколько сейчас Знаков на Элойдэ-шаэрэ?

– Один, конечно. А на Во-Алларе?

Я воззрилась на собеседника с удивлением.

Что за глупый вопрос?! Он же видел мою руку! А там черным по белому…

– Та-ак, – протянула я, машинально повернув левую руку ладонью вверх и с беспокойством оглядев свой шестилистник. Пока еще активный, разноцветный и достаточно яркий, но все же, как мне показалось, он несколько потускнел за

прошедшую неделю. – А скажите-ка, сударь, как выглядит ВАШ Знак? Похож на этот или же вы впервые видите такой рисунок?

Повелитель вместо ответа вытянул правую руку, выхватил из пустоты какой-то немыслимо древний, разлохмаченный на корешке талмуд и, одним движением раскрыв его на середине, кивнул:

– Смотрите.

Я с недоумением уставилась на начертанный в книге рисунок и лишь через несколько мгновений поняла, что вижу СОВСЕМ НЕ ТОТ Знак! Потому что тут его изобразили схематично в виде шестиконечной звезды. Ну, знаете – два треугольника, вписанные один в другой так, чтобы их вершины были обращены в противоположные стороны. Причем один из них оказался белым, а второй, как следовало догадаться, черным.

– Не поняла… – озадаченно пробормотала я на всеобщем. – Это что, мальчикам – звездочки, а девочкам – цветочки? Или кто-то напутал с изображением?

– У моего отца был именно такой Знак, – хмуро заявил повелитель, безошибочно почувствовав мое недоверие. – И у всех моих предков, насколько мне известно, тоже. Но ваш Знак действительно выглядит иначе, леди. Именно поэтому я вчера так удивился.

То есть на цвет он внимания не обратил – так это следует понимать? И даже не сообразил, что на самом деле у меня не один, а гораздо больше Знаков?!

Я кашлянула.

М-да. А я-то уже решила, что меня начали воспринимать всерьез… но если начать сейчас объяснять, что к чему, владыка может решить, что от меня исходит угроза. После случившегося он и так подозрительно косится, а если я вдруг брякну, что на самом деле имею впятеро больше шансов, чем он, заполучить последний Знак… ох, полагаю, никакого разговора уже не получится. А нам с парнями придется или спешно искать отсюда выход, что, между нами говоря, пока проблематично, или же отстаивать свою правду с оружием в руках, чего тоже не хотелось бы допускать.

Вообще, вся эта ситуация вызывает сплошное недоумение. Почему произошла такая путаница в изображениях? Конечно, если постараться, между ними можно найти отдаленное сходство. На Во-Алларе это шестилистник, а здесь – шестиконечная звезда. Углы в одном случае сглаженные, в другом, напротив, острые… общая тенденция, как ни крути, сохранена. Вот только почему с цветом беда? Ведь у Пустыни должен быть свой оттенок, разве нет? Или причина в том, что сюда перенесли лишь один Знак и «раскрашивать» его стало просто незачем?

– Все это очень странно, – наконец, заключила я, вдоволь налюбовавшись картинкой.

Повелитель согласно кивнул, и книга из его руки исчезла.

– Я считаю, причина кроется в том, что вдали от Во-Аллара наша земля… а вместе с ней и Знак… претерпели некоторые изменения, – негромко обронил он. – Возможно, этим же можно объяснить различия в цвете.

Я скептически наморщила нос.

Насчет последнего, честно говоря, не уверена – у меня с самого начала Знаки имели каждый свой цвет, который появлялся на ладони в строго определенной последовательности. Общий фон – да, изначально был нейтральным, однако затем он стал меняться. А здесь сочетание черного и белого почему-то упорно наводило на мысль о Свете и Тьме, дабараэ и эйнараэ… на Во-Алларе никто не допустил бы к Знакам мага – после случившихся некогда катаклизмов боги отказались от этого пути. И мир не зря так долго игнорировал просьбы эаров, которые все как один являлись магами разума. Хотя…

Если предположить, что на Элойдэ-шаэрэ просто не осталось других кандидатов, и представить, что этой земле, как в свое время в Эйирэ, самым банальным образом не оставили выбора… да еще вспомнить, что само ее существование четко зависело от способностей повелителя удерживать защитный Купол… наверное, этим в какой-то мере можно объяснить происходящее? И отличия Знаков, и столь долгие раздумья земли, и ее упорное нежелание принимать нового Хозяина, которому тем не менее было позволено даже в отсутствии Знака пользоваться ее силой?

Не знаю. Все это звучит, конечно, как бред, но пока другого объяснения я не вижу. И, что самое важное, понятия не имею, как разрешить эту ситуацию. Ведь если земля не получит Хозяина, то восполнить потраченные на Купол силы ей будет неоткуда. Владыка ей не помощник – похоже, нужной степени доверия он пока не имеет. И, возможно, вообще его не получит, несмотря на все свои старания. С другой стороны, он – единственный человек, способный поддерживать Купол в рабочем состоянии. И присутствия конкурентов, претендующих на Знак, точно не допустит. Но раз земля, несмотря ни на что, уже не первое столетие его игнорирует, то как быть?

– Скажите, сударь, – осторожно спросила я. – Вам удалось выяснить, каким образом ваши предки разрешали противоречия между Знаком и собственным даром?

Повелитель усмехнулся.

– Если бы это было так просто, я бы к вам не обратился. Хотя на всякий случай вчера я еще раз просмотрел семейный архив и никаких упоминаний на эту тему не нашел.

– Но какие-то предположения у вас, наверное, есть?

Он покачал головой.

– Все свои догадки я за последние две сотни лет уже испробовал, однако результатов не получил.

– А могу ли я узнать, что именно вы делали?

– Извольте, – равнодушно отвернулся повелитель, принявшись с преувеличенным вниманием рассматривать раскинувшиеся за металлической сеткой кусты. – Первоначально я старался понять, что именно хочет от меня Знак. Отдав мне некую толику его сил, он позволил наладить с ним какое-то подобие контакта. Вернее, он отзывался на мой зов, иногда открыто помогал, но буквально через несколько сезонов этот контакт сошел на нет. Как отрезало. Ни отклика, ни звука я в дальнейшем не получил, хотя предпринял немало попыток вернуть эту связь.

– Вы не спрашивали у земли, почему так произошло? – настороженно уточнила я.

– Она не пожелала ответить. А с течением времени перестала откликаться, несмотря на то, что я приходил сюда почти каждый день… да и сейчас ее навещаю, – равнодушно обронил владыка, окинув взглядом пустую поляну. – Разговариваю, задаю вопросы. Прошу совета, помощи… но, как видите, все остается по-прежнему. Сперва она пыталась от меня отстраниться. Затем начала сопротивляться, потом смирилась, а в последние несколько сезонов почти не реагирует на мое присутствие. Она как будто уснула.

Я пораженно замерла, тоже посмотрев на железную изгородь, за которой томились в неволе неестественно согнутые стебли.

– Вот ЭТО вы называете «навещать и разговаривать»?! Решетки, по-вашему, улучшают ей настроение и повышают степень доверия?!

– Они были необходимы, – сухо сообщил он, проследив за моим взглядом. – В противном случае поросль заполонила бы все вокруг точно так же, как это произошло на большей территории дворца. Эти кусты ядовиты, если вы не знали – всего одно касание, и человек умирает за несколько оборотов. Противоядия, естественно, не существует. Поэтому я настоятельно не советую вам приходить сюда в одиночку. Только эта поляна относительно безопасна, но пройти за ограду без меня вы вряд ли сможете.

Я ошеломленно моргнула.

– Вы хотите сказать, что в остальную часть сада заходят только смертники?!

– Туда вообще никто не заходит. Это запрещено, – ровно отозвался владыка. – Свободный проход есть лишь у нескольких коарани, умеющих общаться с растениями.

– Тогда зачем здесь нужны беседки с порталами? – чуть не растерялась я. – И почему вы не закроете их, если сад так опасен для окружающих?!

Он поморщился.

– Рядом со Знаком заклинания почти не действуют: ОН меняет все магические потоки так, что творить здесь заклятия – все равно, что плевать против ветра. Никогда не знаешь, во что это потом выльется и как именно отразится на даре. А беседки создавались моей семьей на протяжении нескольких тысячелетий: каждый владыка по традиции обязан оставить после себя какой-то след в этом месте. И обычно это или индивидуальный портал, или такая вот поляна для общения. Поскольку в личном портале Знак мне отказал и не позволил обращаться к себе напрямую, пришлось создать особое пространство, где его сила практически не работает. Снаружи оно прекрасно защищено, так что ни один ядовитый листок или стебель сюда не проникнет, от солнца его закрывает крона этого дерева, которое я намеренно заставил измениться. Воздух очищается специальными заклятиями, чтобы сюда не проникали ядовитые споры, которых в саду летает вдосталь, а под землей проложена каменная кладка, которая гасит любые проявления НЕ МОЕЙ магии и оберегает поляну от разрушительной силы Знака. Я ответил на ваш вопрос, леди?

Я в шоке огляделась, только теперь понимая, почему тут так пусто.

– Значит, для вас этот яд тоже смертелен? – недоверчиво переспросила я, запоздало подметив прячущиеся между листьев кустарника острые шипы.

Повелитель хмыкнул.

– Земля все же понимает, что без меня ей не выжить, поэтому не пытается меня убить. Так, погрозит иногда, поворочается и, может, прогонит, если посчитает, что я чрезмерно настойчив. Тем не менее ощущения этот яд доставляет крайне неприятные. И чтобы лишний раз их не испытывать, я был вынужден поставить защиту.

– А на ваших слуг это явление не распространяется, правильно я поняла?

– Совершенно верно, – спокойно кивнул владыка. – В самом начале моего правления случилось несколько неприятных случаев, один раз дело чуть не дошло до смертельного исхода, поэтому, в конце концов, я запретил им сюда заходить.

– А как же садовники? – нахмурилась я.

– Их Знак отбирает сам.

– То есть как?

Он пожал плечами.

– Очень просто: те, кому я позволяю обрести такой дар, перед тем, как приступить к своим обязанностям, приходят на эту поляну и пробуют приблизиться к ограде. Если кому-то это удается, и шипы его не ранят, то он надевает зеленую ливрею и получает доступ в сад. Если же нет, то я лишаю такого слугу дара и отправляю на другую работу. Только и всего.

Я нахмурилась еще больше.

– А насколько далеко слуги могут заходить в ваш сад?

– Как пожелает Знак, – неожиданно дернул щекой владыка, но тут же снова вернул на лицо бесстрастную маску.

Я удивилась.

– Получается, вы не знаете, кому из слуг и как далеко позволено заходить?

– Напротив: я всегда чувствую их присутствие, – прохладно сообщил повелитель. – Их дар для меня – словно путеводная нить. По ней их легко отследить. Поэтому я всегда знаю, до какого уровня мои слуги способны продвинуться в изучении придворцовой территории.

– Ах вот оно что, – сузила глаза я. – Значит, они не просто тут поливают и удобряют землю?

– Конечно. Я хочу знать, что здесь происходит в каждый конкретный момент времени, и коарани с этим неплохо справляются.

– А вы не боитесь, что кто-нибудь из них снискает себе благосклонность Знака?

– Нет, – ледяным тоном отрезал владыка. – Они не посмеют меня предать. Для них это равносильно смерти.

Я нахмурилась.

– Хотите сказать, что их жизни тоже целиком и полностью принадлежат вам?

– Разумеется. Иначе мне было бы трудно их контролировать.

Вот так дела… получается, что каждый живущий во дворце коарани полностью зависим от своего господина? И этот господин решает не только то, кому какой открыть дар, но и определяет срок чужой жизни? Хм. Сколько тут народу служит? Две сотни? Три? Пять? И каждого он привязал к себе до самого гроба? Неудивительно тогда, что его так боятся. Вот откуда взялась эта ненормальная преданность и дикий страх при одной только мысли о том, чтобы вызвать его неудовольствие, да и многие другие странности, которые мне удалось подметить, стали более понятными.

Но раз так, то это скверно. И даже более того. Понятия не имею, как владыка добился такой власти над своими подданными, но, судя по всему, тут замешана магия. Причем это явно не эйнараэ. А помня о том, каким именно образом господин Георс «развлекался» с невиронцами, я вдруг отчетливо поняла, что местный повелитель – вовсе не тот человек, которому я могла бы полностью довериться. А на месте Знака еще миллион раз бы подумала, прежде чем позволила ему к себе приблизиться.

Хотя, быть может, именно тут и кроется суть возникшей проблемы?

Впрочем, проблема была не одна. Исходя из того, что мне сегодня сказали, можно предположить, что каждый из владык прошлого был настолько эгоистом, что не пожелал делиться секретом обретения Знака даже с собственным наследником. И со временем это превратилось в какую-то дурную традицию, тщательно соблюдаемую магами этого странного семейства. Более того, каждый раз им приходится заново изобретать велосипед, пытаясь добиться от земли благосклонности. Причем довольно долго… точнее, не одно тысячелетие… этот фокус как-то удавалось проворачивать: владыки жили сами и позволяли жить Знаку, страну охранял подпитываемый совместными усилиями Знака и Хозяина Купол, все были счастливы и довольны…

А потом что-то произошло. Что-то изменило отношение земли к очередному владыке, и он не сумел подобрать ключик к Знаку. То ли прежние правители, используя дабараэ, выбрали все возможные способы, то ли у последнего фантазии не хватило… но факт остается фактом: повелитель НЕ СМОГ. А в итоге земля начала умирать, постепенно иссыхала, как лишенный источника родник. Но тем не менее упорно противилась ему и делала все, чтобы потенциальный Хозяин никогда не стал Иштой.

Владыка в ответ, если я правильно понимаю, попытался сперва аккуратно на нее надавить, надеясь на свои способности. Поскольку личностью он был гордой, себялюбивой и упрямой, после отказа в нем наверняка проснулось стремление доказать свою правоту. Полагаю, он просто не смог смириться с поражением. Не в его это характере. И после первой неудачи перешел к более решительным действиям. Все эти оговорки насчет того, что «земля погрозит и прогонит», да насчет его настойчивости – явно неспроста. Об этом же говорит запущенный вид сада, недоверие Знака, которые я успела уловить, а также обилие защитных механизмов, шипов, иголок, яда и прочих «прелестей».

В результате этого противостояния, как я понимаю, повелителю пришлось уступить и ретироваться. На время. А поняв, что силой тут ничего не добиться, перейти к длительной осаде. При этом он прекрасно понимал, что без него земле не обойтись; на всякий случай лишив ее возможности выбирать (естественно, зачем бы ему сдались другие Хозяева?) и до сих пор терпеливо ожидал, когда она прекратит упрямиться.

Причем, судя по тому, что к моему приходу дело так и не сдвинулось с мертвой точки, конфликт откровенно затянулся. Земля возражала против нового Хозяина, одновременно с этим по-прежнему отдавая ему последние крохи своих сил. А вероятный Хозяин хотел большего и столь же упорно стремился забрать предназначенный, как ему казалось, для него Знак. Но поскольку ни один маг не способен тягаться с такими силами, то даже двести лет ожидания ничего не дали. Если бы дело происходило на Во-Алларе, он мог бы и тысячу лет ждать – с тем же результатом.

Потерев внезапно загудевшие виски, я снова посмотрела на молчаливого владыку.

– Скажите, сударь: а ваши ближайшие родственники живы? Отец? Дед?

– Нет, – сухо отозвался он. – Передача Знака возможна только после смерти предыдущего владельца.

Ах да… совсем забыла!

– А ваша мать? Братья вашего отца? Маги ведь живут долго…

– Мать я никогда не видел – она умерла вскоре после моего рождения, – ровно сообщил повелитель. – Дед умер незадолго до того, как Знак перешел к моему отцу. Его супруга магом не являлась, поэтому умерла еще раньше. Братьев или сестер у деда и отца, насколько мне известно, не было, а если и были, то оба они тщательно скрывали факт их существования. По крайней мере, я не нашел в архивах ни одного упоминания.

– Тогда не могли бы вы припомнить событие, с которого начались ваши проблемы? Конкретный день? Год? Время? Я хочу понять, что именно случилось и по какой причине земля вдруг отказалась вас принимать.

Повелитель сузил глаза.

– Вы уже задавали этот вопрос, и я могу только повторить: причина мне неизвестна.

Я чуть не хмыкнула: вот темнила. Только не нужно забывать, что я прекрасно чувствую его настроение и отлично вижу, что вопрос ему не понравился. Чем – еще непонятно, ведь, по идее, это не мне должно быть жизненно важно разобраться в этом деле. Однако повелитель явно не желает этого понимать и старательно избегает разговоров на некоторые темы. Значит, что-то тут не так. Ведь выяснить всю подоплеку – вполне естественно перед тем, как предпринимать какие-то меры. Почему же повелитель не видит очевидного? Или же, напротив, он все прекрасно понимает, но при этом пытается что-то скрыть?

Прищурившись в ответ, я покачала головой и с едва заметной улыбкой спросила:

– А если хорошенько подумать?

Владыка, как и следовало ожидать, заледенел и холодно отчеканил:

– Мне кажется, вы злоупотребляете моим согласием отвечать на ваши вопросы, леди.

– Я так не считаю.

– Значит, вы ошибаетесь.

– А может, ошибаетесь именно вы? – ласково осведомилась я, пряча за улыбкой хищный оскал. – Это ведь не я просила вас о помощи. Или в нашей договоренности что-то изменилось?

– Нет. Но вы заставляете меня сожалеть о принятом решении, – процедил он, резко отвернувшись.

Я жестко усмехнулась.

– Так, может, вы просто забудете о нем и продолжите жить, как раньше? Или вы настолько непоследовательны и непостоянны, что способны отказаться от собственного слова?

Владыка дернулся, как от пощечины, и поднялся, развернувшись ко мне всем корпусом и буквально впившись бешеным взглядом в мое безмятежное лицо. А я даже не пошевелилась – просто сидела и все с той же улыбкой смотрела на его перекошенную физиономию, внимательно изучала его побледневшие скулы, на которых почти сразу расцвел нездоровый румянец; затем опустила взгляд чуть ниже, медленно и неторопливо подсчитала количество пуговок на его рубахе; дошла до камзола, так же медленно его оглядела. Потом скользнула рассеянным взглядом мимо, после чего так же неторопливо поднялась, тем самым заставив его отступить на шаг, и… совершенно спокойно прошла мимо.

– У вас красивый сад, – безмятежно обронила я, словно не замечая протянувшихся от повелителя волн неподдельной ярости. – Спокойный, тихий. Слегка диковатый, правда, но в этом есть какая-то прелесть. Однако, что самое любопытное, в его обманчивом спокойствии кроется мощь зарождающегося вулкана – только тронь верхушку, как мгновенно взорвется вся гора… кстати, вы в курсе, что вся эта красота…

Я обвела рукой шипастые заросли.

– Была создана лишь для того, чтобы вас убить?

На поляне воцарилось угрожающее молчание.

– Нет? – удивилась я, не услышав ответа. – А между тем Знак уже две сотни лет старательно ищет способ убрать вас со сцены. Даже специально изобрел для этого известный вам яд, отрастил острые когти, зубы, обзавелся защитниками… если бы не необходимость поддержания Купола, вас бы уже не было на этом свете. И мне очень интересно знать, как вы умудрились добиться такого отношения?

Игнорируя зловещую тишину, я бесстрашно приблизилась к ограде и, развернув левую руку ладонью вверх, поднесла ее к шиповнику. Без спешки, со спокойной уверенностью в том, что он не причинит вреда… и он действительно этого не сделал. Вместо того, чтобы ткнуться в кожу острыми иголками, он довольно быстро их спрятал, а затем потянулся навстречу мягкими листьями, будто все еще сомневался, что может кому-то доверять.

Я улыбнулась и погладила широкий листок, коснувшийся меня первым. Совсем легонько, как погладила бы лопоухого щенка, впервые в жизни познавшего, что такое ласка, и удивленно замершему от этого необычного ощущения. Добавив немного силы от своих Знаков, я улыбнулась снова, потому что по кустам пробежала взволнованная дрожь, а потом протянула уже всю руку и по локоть зарылась в тихо шелестящую зеленую массу, которая моментально пришла в движение и осторожно обняла меня в ответ.

– Нужно сильно постараться, чтобы заставить Знак себя ненавидеть, – не оборачиваясь, обронила я, старательно прислушиваясь к себе. – Для этого необходим настоящий, просто-таки врожденный талант… но у вас, сударь, он, видимо, развит в достаточной мере, потому что стремление этой земли от вас избавиться превышает всякие мыслимые и немыслимые границы. Признаться, впервые встречаюсь с таким феноменом: как правило, Знак – сущность нейтральная. Он не понимает разницы между добром и злом, между тем, что мы считаем хорошим, а что – плохим, и тем, что для нас является важным или же совершенно пустым. Он подходит к вопросу выбора Ишт, исходя из собственных критериев, оценивая их лишь с позиции того, что опасно для него, а что нет. Но

вот ВАС он почему-то считает прямой угрозой своему существованию. Может, объясните почему?

Не услышав ответа в третий раз, я обернулась и посмотрела на замершего в нескольких шагах мужчину: он был невероятно бледен, на его висках проступила испарина, темные черные глаза стали похожи на два провала в Бездну, под ними пролегли невесть откуда взявшиеся тени. Черты лица болезненно заострились. Губы посерели, обескровились… он напоминал сейчас живого мертвеца, готового на все ради глотка свежей крови. И это было воистину страшно.

Но еще страшнее изменился его взгляд, когда прямо у меня перед лицом опустилась зеленая ветка, на самом кончике которой внезапно вырос и застенчиво распустился уже знакомый сиреневый цветок. Такой нежный и хрупкий, что его было невозможно поранить. Настолько доверчивый, что его было сложно отвергнуть. И до того нетерпеливый, что при виде моей открытой ладони его аж кинуло в дрожь. А затем сиреневые лепестки еще и засветились призрачным светом, словно спеша рассыпаться коварными искрами и поскорее пристроиться на примеченное местечко.

– А ну, не балуй! – строго сказала я, сжимая руку в кулак и отводя ее в сторону. – Мы с тобой о чем договаривались, а?

Цветок жалобно сник.

– Даже не пытайся, – еще строже предупредила я и второй рукой отодвинула этого провокатора подальше.

Шиповник огорченно вздохнул, но отступился. Цветок на его ветке развеялся в воздухе, будто никогда не существовал, сама ветка неохотно втянулась обратно. Затем у меня под ногами произошло какое-то движение, а всего через миг трава внезапно преобразилась – резко пошла в рост, превратившись из колючего ежика в прекрасный зеленый ковер; тут и там на ней проклюнулись первые бутоны полевых цветов. Шиповник тоже ожил, попрятав свои шипы, зашевелился, расцвел многочисленными алыми цветками. Следом за ним зашелестело и понравившееся мне дерево, стремительно покрывшись молодой листвой. На кончиках его многочисленных веток набухли и тут же прорвали толстую кожуру свежие почки, а еще через миг из них пробились наружу такие

же многочисленные желтые «сережки», как у березы в период цветения. И это было настолько красиво, что я невольно улыбнулась.

– Так намного лучше.

Поляна снова шевельнулась – на этот раз удовлетворенно – и затихла. А я глубоко вздохнула, впервые чувствуя аромат настоящих цветов, и негромко рассмеялась: вот теперь я чувствовала себя прекрасно. Меня узнали, наконец, приняли, одарили благословением. Меня внимательно слушали, с нетерпением ждали, с готовностью откликались на каждый жест, каждое слово и даже мысль… почти как раньше. Да… это было почти как на Равнине. Потому что здесь я была если не дома, то, как минимум, в гостях у доброй хозяйки, которая позаботится обо мне и никогда не даст в обиду. И с ее позволения я снова стала всем: землей, воздухом, ветром… хотя бы на какое-то время. Я дышала вместе с ними, жила их жизнью, могла почувствовать каждое дуновение, каждый вздох, каждый взгляд из-под густой листвы… ощущала движение вокруг себя… абсолютно любое… и слышала все, что происходит во мне и вокруг меня.

Лишь потому, что ОНА это позволила. ОНА разрешила. И потому, что этот краткий миг единения был нашим обоюдным желанием, заставившим меня охватить взглядом чужие владения, а ЕЙ позволил увериться в том, что решение было принято правильно. Благодаря чему мы на какое-то время стали одним целым, каким-то цельным, неразделимым существом. Я была Ею, а она – мной. Я дышала, а Она набиралась в это время сил. Я смеялась, и она улыбалась вместе со мной. Все стало общим на это короткое время: эмоции, воспоминания, слабости… и не заметить произошедших перемен мог только слепой.

Тогда как владыка слепым отнюдь не был.

Правда, к его чести надо признать, на этот раз в его руке не появилось никакого заклинания. И угрозы от него тоже не ощущалось. Повелитель словно бы… умер ненадолго, невесть каким образом оказавшись в благоухающем раю. А когда снова ожил, то смог лишь пошатнуться и тяжело опуститься обратно в кресло, растерянно глядя в мои сияющие глаза, в которых отражался целый калейдоскоп наших общих с землей эмоций.

Глава 2

Мгновением спустя по земле вновь пробежала долгая дрожь, на этот раз – тревожная. Листья на шиповнике моментально свернулись, кусты нервно отпрянули от ограды, словно по той вдруг пустили электрический ток, громадное дерево беспокойно зашелестело ветками, а у владыки внезапно изменилось лицо. Он замер, до боли вцепившись в подлокотники кресла. Побледнел, как-то сразу осунулся. Его темные глаза окончательно почернели, плечи напряглись, а корпус так сильно подался вперед, словно повелитель только что собирался вскочить, но тут что-то его отвлекло, и он так же неожиданно передумал.

В тот же миг и я ощутила неладное – единение оказалось грубо разорвано, меня буквально вышвырнуло из уютных объятий чужого Знака, а затем, не дожидаясь, пока я приду в себя, требовательно подтолкнуло в спину, словно советуя убираться отсюда поскорее.

– Уходи, – беззвучно шепнула земля на эйнараэ. – Уходи скорее: беда…

На мгновение растерявшись, я тоже замерла, как и прислушивающейся к чему-то повелитель, но почти сразу опомнилась и быстро спросила:

– Что случилось?

Он не ответил. Однако из ступора все-таки вышел и, резким движением поднявшись, отрывисто бросил:

– Уходите, леди. Вам здесь не место.

А затем исчез. Без вспышки и других спецэффектов, как раньше. Даже без привычного портала: просто взял и исчез, не удосужившись ничего пояснить. Только и того, что оставил после себя едва уловимую ауру стремительно разгорающейся злости, которая неприятным осадком осела у меня в душе.

Ну не зараза, а?

Это ж надо было умудриться так испортить девушке настроение?

Я мрачно уставилась на то место, где только что стоял повелитель. Но потом поняла, что гипнотизировать его нет смысла, и, тихо ругнувшись, решительно направилась прочь. Правда, не туда, куда меня настойчиво подталкивала земля, не в сторону беседки, где наверняка уже переминался в нетерпении вызванный владыкой Ниг, а к дереву – большому, раскидистому, внезапно сбросившему все свои лепестки, явно излучающему тревогу и определенно имеющему прямую связь со Знаком.

Вот только на этот раз оно не испытывало радости от моего приближения. Напротив, как только я протянула руку, лежащие почти у самой земли ветки поспешно отдернулись и поднялись высоко вверх, словно не хотели, чтобы я до них дотянулась. Листва там внезапно пожелтела и осыпалась настоящим золотым дождем, образовав у меня на голове невесомую шапку из громко шуршащих «подарков». Корни – те, что виднелись в траве, поспешно зарылись куда-то вглубь. И вообще, создавалось впечатление, что дерево, если бы могло, предпочло бы поспешно сняться с места и удрать куда подальше, лишь бы не позволить мне к себе прикоснуться.

– Ну что теперь? – строго спросила я, дойдя до ствола и настойчиво приложив к нему левую ладонь. – Чего ты опять боишься?

А потом поняла: земля и правда боялась. Вот только на этот раз не за себя, а за меня! И до дрожи не хотела, чтобы я вмешивалось в то, что происходило где-то на ее границах. Причем ради этого она была готова от меня даже отказаться! Разорвать единение! Выпроводить вон! Попросить… а если не получится, то даже приказать… не появляться здесь больше!

Ощутив этот необычный порыв, я изумленно кашлянула.

– Ну знаешь… давно меня так не опекали! – а потом подошла к дереву вплотную, погладила шершавый ствол и мягко сказала: – Это – плохое решение, дорогая. Недальновидное и очень-очень опасное.

– Почему? – вздохнула земля, все еще настойчиво отстраняясь.

– Потому что, пока я здесь, все, что представляет угрозу для тебя, угрожает и мне. И потому, что в данный момент моя жизнь точно так же зависит от

сохранности Купола, как и твоя. А единственный человек, который способен его поддерживать, ушел незнамо куда и зачем. Встревоженный. Нервный. И очень-очень злой. Ты уверена, что он справится?

– Это – его долг!

– Для того, чтобы выжить, одного долга бывает недостаточно, – невесело улыбнулась я. – Думаешь, владыке не нужна помощь?

– Он бы сказал!

Я тяжело вздохнула.

– Боюсь, он не станет этого делать. И больше не рискнет просить ни тебя, ни тем более меня. Для этого он слишком горд. Поэтому, чтобы поберечь его самолюбие, давай ты для начала покажешь мне, что случилось? Без всякого единения? Как картинку, хорошо? А когда я пойму, в чем дело, мы вместе решим, как поступить.

Земля заколебалась, но затем дерево все-таки неохотно опустило свои ветки, позволив мне обхватить одну из них ладонями. Густая крона тревожно притихла. Беспокойно шевелящийся шиповник тоже застыл, будто боясь нарушить мгновение наступившей тишины. А я закрыла глаза и мысленно потянулась вперед. Туда, откуда веяло чем-то нехорошим и где неярко светилась смутно знакомая звездочка чьей-то встревоженной души…

Тишина. Пустота. Бесконечный холод Изнанки, стремительно вымораживающий любое проявление жизни. Ни ветра, ни голосов, ни запахов, ни единой живой души… все мертво вокруг… неподвижно… и эта мрачное безмолвие пугает сильнее, чем если бы вместо него вокруг кипела кровавая битва.

Где-то далеко внизу, почти невидимый в ночи, виднеется гигантский дворец. С такой высоты он больше похож на громадного каменного паука, далеко во все стороны раскинувшего широкую сеть тоннелей и переходов. Местами эти переходы прерываются небольшими двух- и трехэтажными гостевыми домиками, окутанными призрачными облаками какой-то сложной магической

защиты. Тут и там виднеются каменные башни, возле которых буквально клубятся рои невообразимо сложных заклятий. Вокруг одной из башен этот рой становится особенно густым и плотным, словно пытающимся спрятать под собой какую-то тайну. А между башнями, домиками и собственно телом дворца, которое сверху совсем не выглядит красивым, на огромном пространстве вольготно раскинулась гигантская зеленная масса, сливающаяся в какое-то неопрятное пятно. Но при этом именно она, эта масса, пульсирует каким-то тревожным светом и время от времени выстреливает вверх целыми группами сигнальных огней, словно маяк, благодаря которому даже в Пустоте очень сложно затеряться.

Мне, как и всегда, очень холодно – Тень не любит присутствия живых. Однако на этот раз холод не так сильно сковывает движения. Моя кожа покрыта тонким слоем серебристого инея, но еще не потеряла чувствительность. Губы онемели, но пока еще сохранили способность двигаться. На ресницах тоже застыли крохотные ледяные капельки от невесть откуда взявшихся слез, но я все еще живу. Дышу. Все еще помню, кто я, откуда и зачем пришла. И, как ни странно, по-прежнему ощущаю, что я не одна. Так, как будто оставшийся далеко внизу сад каким-то образом подпитывает меня своими силами. Будто между нами все еще есть незримая связь. И будто мое благополучие сейчас значит для этой земли гораздо больше, нежели благополучие и здоровье ее повелителя.

Тихонько вздохнув, слегка поворачиваю голову и тут же его вижу – мрачного, бледного, как привидение, и сосредоточенно изучающего полупрозрачную стену, отделяющую нас от непроницаемо черного мрака, сгустившегося по ту сторону. Впрочем, нет: это не просто мрак – за границей Купола недовольно клубится настоящая Тень, которой явно не по нраву присутствие в ее владениях такой грубой аномалии.

Я прекрасно чувствую, как с той стороны на нас настойчиво надвигается леденящий холод Пустоты. Почти слышу ее рассерженный гул, от которого отчетливо вибрирует Купол. А затем и вижу, как из-под плотной пелены сгустившегося мрака тут и там выстреливают острые когти, проступают на миг и тут же исчезают клыкастые хари, как время от времени из Тени проступают смутные очертания уродливых силуэтов Тварей… и это вызывает во мне беспокойство.

А Тварей много… сейчас я вижу это очень хорошо: их настолько много, что кажется, будто снаружи они облепили Купол со всех сторон! Вот, снова

показывается чья-то оскаленная морда, острые когти с огромной скоростью проводят по поверхности охранного заклятия, но, не добравшись до него совсем чуть-чуть, поспешно отдергиваются, словно ожегшись. Исчезают ненадолго в Тени, оставляя после себя едкий дымный след. Сама Тень так же недовольно откатывается назад, но тут же возвращается снова. Еще более сильная. Раздраженная. И ощетинившаяся уже не одной, а десятками когтистых лап, которые все настойчивее ищут хоть какую-то трещину… малейшую слабину в тускло поблескивающем Куполе. Сперва здесь, потом чуть дальше, и наконец уже по всей поверхности заклятия, заставляя его заметно прогибаться, тревожно колыхаться, натягиваться и тихо-тихо вибрировать, порождая единственный и очень неприятный звук, который ощущается скорее кожей, чем на слух.

Невольно передергиваю плечами и снова поворачиваюсь к повелителю.

Интересно, он видит, что происходит? Чувствует, как ярится Тень и призванные Ею Твари? И понимает ли, что для того, чтобы их удержать, даже Купола надолго не хватит?

Впрочем, мне не страшно – когда внутри просыпается осколок чужой души, страх мне неведом. Как и раздражение, ярость, гнев… даже боль ощущается совсем не так остро, как раньше. Да и зрение становится черно-белым, что, с одной стороны, даже хорошо, потому что не позволяет в подробностях рассмотреть чужие лица, а с другой, конечно, печально, поскольку я и повелителя теперь могу видеть лишь в виде бледно-серого пятна с красивой, беловато-золотистой аурой.

Гм.

А он и правда по уровню силы почти не отличается от Эннара. По крайней мере, в том, что касается «светлой» ее стороны. А вот темных пятен в этой ауре хватает с избытком. И это говорит о том, что к дабараэ владыка обращается почему-то гораздо чаще, чем к эйнараэ. Более того, эта часть его дара не просто развита гораздо лучше, но почему-то стала доминировать над второй половинкой. И, возможно, это тоже – одна из причин, почему Знак его так упорно отвергает.

Кстати, меня повелитель почему-то не видит. Вон, обернулся, словно почувствовав мой интерес, но ни грамма узнавания не мелькнуло на его напряженном лице, ни толики эмоций – ни радости, ни удивления, ни злости… да и взгляд его тут же скользнул куда-то в сторону, а затем снова вернулся к Куполу, где опять наметилось какое-то движение…

Я вздрагиваю, когда на кажущуюся такой тонкой пленку заклятия обрушивается мощнейший удар. Не знаю, кто или что это такое, но Купол от удара прогибается так сильно, что кажется – он вот-вот порвется! От обрушившейся снаружи мощи наша единственная защита истончается еще больше, стремительно теряет свою плотность, становится совсем прозрачной… и она больше не возвращается в прежнее положение. Трепещет от несуществующего ветра, теряет упругость и болтается в абсолютнейшей тишине, как некачественный целлофан.

Плохая защита от бушующей снаружи Тени. И еще худшая защита от Тварей, которые собрались снаружи в огромном количестве и все яростнее, все настойчивее пытаются ее разрушить.

Я сглатываю и во все глаза смотрю на бессильно повисшую пленку, которая, наконец, начинает медленно и с явным трудом восстанавливать свою форму. А за ней постепенно проступают десятки… сотни тысяч все тех же бесформенных силуэтов: крылатых и бескрылых, когтистых, страшных, оскаленных… просто оживший кошмар, который так долго не давал мне покоя во снах. Настоящая армия, которая только и ждет момента, чтобы ринуться на последнюю оставшуюся преграду…

Аллар милосердный! Да что же тут творится?! И сколько веков Купол подвергается неистовым атакам с ТОЙ стороны, если владыка даже сейчас неестественно спокоен, а его руки беспрестанно рисуют какую-то сложную вязь узоров, от которых в темноте остается отчетливый серебристый след? Как будто и нет никакой угрозы прорыва, нет никаких Тварей снаружи, нет яростного царапания чужих когтей и почти ощутимого, безумного, поистине чудовищного чувства голода, который просачивается сквозь поврежденную пленку, как медленный, но смертоносный яд?

Я знаю, это не мои чувства – это работа Тварей. Но, боже мой… как же это трудно – стоять на месте, ощущая на себе тысячи горящих взглядов! Совсем не то, что в Степи. Потому что там я была не одна. Там я могла себя защитить, а тут… в чужом доме… вдалеке от своих Знаков и почти что в Пустоте…

Я вздрагиваю снова, когда возле Купола внезапно появляется еще одна громадная Тень. Стремительная, красноглазая и яростно хлещущая пространство вокруг себя длинным, усеянным острыми шипами хвостом. Мелькающие в довольной ухмылке острые зубы больше похожи на ножи. Развернутые во всю ширь могучие крылья с легкостью отбрасывают в стороны неосторожно приблизившихся мелких Тварей. Узкие змеиные глаза горят бешеными багровыми огнями, а взгляд… кажется, теперь я знаю, кто нанес Куполу самый последний удар. И думаю, что не ошибусь, если предположу, что второй такой удар окажется не под силу остановить даже…

Стоп. А это что еще такое?! Почему эта новая Тень с такой жадностью смотрит на меня и вдруг останавливается, занеся когтистую лапу для сокрушительного… воистину последнего для нас удара?!

Да нет… не может быть… в нашу прошлую встречу Дем выглядел совсем иначе – он был гораздо меньше, компактнее и не таким… зловещим? И он всегда был ОДИН! Тогда как сейчас…

Я с тихой паникой оглядываю собравшихся вокруг Купола Тварей и, неожиданно прозрев, шепчу онемевшими губами:

– Господи, нет… Дем, неужели все это?..

– Гайдэ? – Его глаза неожиданно меняют выражение с кровожадного на облегченное и стремительно угасают. – Гайдэ, ты?!

– Я, конечно, – вздрагиваю я, подумав о том, что могло бы быть, если бы меня здесь не оказалось. – Остановись, брат. Прекрати атаку и отзови своих демонов – если ты разрушишь защиту, этот мир погибнет.

Он неожиданно кивает.

– Я знаю. Но тебя я в любом случае успею спасти.

Мне становится не по себе от прозвучавшего в его голосе равнодушия. Обернувшись к повелителю и подметив неподдельное изумление на его бледном лице при виде остановившегося в последний момент демона, я вздыхаю и

радуюсь хотя бы тому, что он не видит меня и не слышит, о чем мы говорим. Все-таки Дем и Тень – это с некоторых пор почти что одно целое. За последнее время он так с ней сжился, что теперь, наверное, и человеком-то быть уже не захочет. Она, как наркотик, прав был Гор. Притягивает к себе сильнее, чем что бы то ни было. От нее невозможно отказаться. Ей невозможно не поддаться. Однако одному конкретному полудемону, который на протяжении тысячи лет активно противостоял ее силе, каким-то образом это удалось. И теперь, насколько я понимаю, больше Тень исполняет его желания, чем он – ее. Так что, наверное, он не зря с такой уверенностью пообещал, что даже в Пустоте сумеет сохранить меня невредимой.

Заметив, как опомнившийся владыка торопливо заканчивает восстанавливать Купол, облегченно перевожу дух, снова поворачиваюсь к брату и, убедившись, что пришедшие с ним Твари послушно отходят в Тень, безмолвно шепчу:

– Этот мир не должен погибнуть, Дем.

– Почему? – тут же нахмуривается он, не обращая внимания на действия мага. – У тебя есть свой. И там ты очень нужна: мне, братьям, мужу и своим Знакам. А ОН забрал тебя силой и никак не желает отпускать. Мы ведь прочитали те руны, Гайдэ… вернее, это Ра-Кхкеол помог… и выяснили, что обратного пути для тебя нет. Даже у эаров нет власти, чтобы вызволить тебя отсюда. Да что там эары… если уж боги не смогли…

Я снова вздыхаю, краешком глаза следя за владыкой, на лице которого вдруг проступила безмерная усталость. Кажется, он закончил работу… да, Купол снова выглядит, как новый. Вот только эта атака высосала из повелителя все силы. Вон, едва на ногах держится. Шатается, бедолага, но упрямо сверлит взглядом Дема и словно ждет повторения атаки… зря. Его аура стала совсем блеклой. На второй раунд его точно не хватит, и если Дем пожелает, то сумеет разорвать заклятие без особого труда. Не сам, так с помощью своих подопечных. А мертвый владыка мне пока не нужен. Пора возвращаться, пока он не скис окончательно. Иначе кого я потом к Знаку припрягу?

– Ты прав, – одновременно отвечаю брату, – меня действительно утянуло сюда без согласия. И я действительно не могу вернуться через портал. Но здесь находится последний Знак, брат. И он… недавно попросил меня о помощи.

– Что?! – едва не отшатывается демон. – Неужели ты согласилась его принять?!

– Нет, конечно! Я не сошла с ума!

– Так почему тогда ты еще здесь? Зачем тебе еще один Знак?!

Я виновато развожу руками.

– Он умирает, брат. Я не могу этого допустить, понимаешь?

Дем оглядывает меня мрачным взглядом.

– Я взбаламутил все Подземелье. Забрал армию Айда и привел сюда лишь для того, чтобы вытащить тебя из ловушки. И Айд, между прочим, об этом ПОКА не знает. Братья – тоже. Я пришел тебя спасти, а ты отказываешься?!

Я так же виновато улыбаюсь.

– Прости, брат. Нам придется искать другой путь.

– Какой? – раздраженно фыркает Дем, чем вызывает у владыки новую волну тревоги. – И с кем? Вот с этим?!

Он бросает злой взгляд на напрягшегося мага и вдруг прищуривается.

– Не мели чепухи, – устало отмахиваюсь я, ощущая, как быстро иссякает приток сил от Знака. – Я безумно хочу домой. Но я не могу бросить Знак, зная, что он вскоре погибнет. И зная также, что вместе с ним погибнут несколько сотен тысяч человек.

– Это не твоя земля! – не сдержавшись, рычит Дем.

Я грустно киваю.

– Да, конечно. Но рядом со мной находятся четверо королевских Драконов, от которых нельзя отмахнуться. К тому же, если помнишь, когда-то и вы были всего

лишь Тенями…

Он разом осекается и замирает.

– Сестра…

– Я остаюсь, – медленно отступаю я. – Прости и пойми меня, брат. На этот раз я не смогу пойти за тобой.

У Дема опускаются лапы.

– Что же ты творишь, Гайдэ? – едва заметно шевелятся его губы, складываясь в горькую усмешку. – Зачем рискуешь? Ради чужака, который стоит рядом? Ради Знака, который тебе не принадлежит?

– Ради жизни, брат, – печально улыбаюсь я. – И ради тех, кто, возможно, этого даже не заметит. Я не могу по-другому. Ты же знаешь.

– Да, – он опускает голову и ненадолго замолкает. – Как нам узнать, что с тобой все в порядке?

– Так же, как и сейчас. Хотя… вон тот шатающийся маг как-то обмолвился, что сюда есть ход демонам… вернее, только одному демону – тому, кто несколько тысяч лет назад создавал эту треклятую защиту.

– Что? – непонимающе хмурится Дем.

– Защита, – с некоторым трудом припоминаю я. – Ее создавали человек, айри и шейри. Вроде бы даже не высшие, хотя в этом я не уверена – у мелюзги просто не хватит сил и наглости, чтобы выступить против своих богов. Да и не сумели бы они скрыть свои намерения от хозяев. Наиболее вероятно, что это все-таки были высшие, но при этом не самые могучие. А еще повелитель сказал, что никому, кроме них, сюда нет ходу… так что надо их найти и вытрясти нужные сведения. Дем, у вас в Подземелье есть какие-нибудь хроники или летописи давно ушедших дней?

– Нет. Но я могу потрясти кое-кого.

– Потряси, – киваю я. – Пусть твои демоны припомнят, когда именно Во-Аллар лишился одного Знака и кто из шейри в этом участвовал. Если владыка не соврал, и хоть кому-то из твоих новых подданных дозволено сюда пролезать…

Дем радостно оскаливается, улавливая мою мысль.

– Понял. Все сделаю в лучшем виде.

– А когда вернется Лин, пусть порыскает на Небе в отношении айри, – спокойно заканчиваю я. – Если мы найдем ту парочку, которая на заре времен заварила эту кашу, тогда проход можно будет открыть без риска для Знака.

Брат, ухватив суть, нетерпеливо взмахивает крыльями, отчего владыка отступает на шажок и, кажется, начинает готовиться к бою.

– Надеюсь, он нас не слышит? – беспокойно озираюсь я, подметив, как мрачно горят глаза мага, а кисти явственно начинают светиться.

– Нет, – ухмыляется Дем. – Мы с тобой находимся на втором слое Тени, а он пока – только на первом.

Как это на втором?! А откуда я могу… ах да, Гор и ваши с ним души… сильному Адаманту не составляет особого труда уйти даже на третий слой. Тогда как эта скрытная парочка так долго эксплуатировала мое тело, что сумела-таки наделить его некоторыми редкими свойствами. А оставшиеся во мне крохотные частички этих коварных типов сделали и того больше… не зря же я после смерти так спокойно ощущаю себя в Тени? По крайней мере, когда прихожу туда во сне?

Я облегченно перевожу дух, но почти сразу ощущаю, что времени почти не осталось, и снова киваю брату.

– Мне пора. Знак больше не может мне помочь, и скоро я опять заледенею. Да и владыка едва живой… до встречи, Дем.

– До встречи, – нервно облизывается полудемон, сворачивая длинный хвост в кольцо. – Я все Подземелье перерою, но найду сволочь, которая ставила тут защиту.

А затем внезапно расплывается черной кляксой, мгновенно растворившись в Тени.

– Вот и все, время вышло, – бормочу я, одновременно с этим чувствуя, как знакомо цепенеет тело. – Пожалуйте на выход, господа посетители – выставка закрывается…

Я еще успеваю увидеть, как в тот же самый миг повелитель, пошатнувшись, взмахивает руками и начинает заваливаться навзничь, словно и его Знак оставил совершенно без сил, но потом тьма окутывает меня со всех сторон, оберегая от холода Изнанки, а чей-то рыкающий голос напоследок грозно предупреждает:

– Не смей рисковать, Гайдэ! И помни: я всегда рядом…

Придя в себя, я довольно долго сидела возле дерева, улыбаясь сама не зная чему. Причем ни слабости, ни боли, ни каких-то иных неприятных ощущений последнее видение после себя не оставило. Если бы не стремительно испаряющийся на траве иней, вообще можно бы подумать, что это всего лишь сон. Но красноречивый след, оставленный Тенью, не позволял усомниться в выводах.

– Вот видишь, – задумчиво обронила я, ласково проведя рукой по влажной траве. – А ты не хотела меня пускать… теперь ни один демон не посмеет на вас напасть. Насчет Тени, правда, не уверена, но какое-то время мы выиграли.

Земля слабо дрогнула в ответ, но почему-то промолчала. А я прикрыла глаза и какое-то время просто наслаждалась тишиной, попутно перебирая недавние воспоминания и анализируя полученные от брата сведения. Признаться, хотелось дождаться возвращения повелителя, чтобы кое-что уточнить. Хотя я еще не решила до конца, стоит ли ему признаваться, что на этот раз он был возле Купола не один.

Вот только время шло, а владыка почему-то не торопился обратно на поляну, поэтому в конце концов я предположила, что он вымотался гораздо сильнее, чем мне показалось, и ему сейчас не до моих вопросов. Да и вообще, наверное, не

всяких там гостей, которым внезапно оказалось нечем заняться.

Впрочем, почему это нечем?

Поднявшись на ноги, я быстро огляделась и, прикинув, как лучше потратить оставшийся день, решительно направилась в сторону поврежденной ограды. Чего время терять, если больше никто на мое внимание не претендует? Давно ведь хотела как следует осмотреться, почувствовать, кто и чем тут дышит, самой все проверить, оценить… а тут такой великолепный шанс пропадает!

– Пустишь меня погулять? – негромко спросила я в пустоту, точно зная, что меня услышат.

Земля снова дрогнула, на этот раз – гораздо отчетливее, но проход в шиповнике все-таки открыла.

– Спасибо. С твоего позволения хочу немного осмотреться. А если владыка все-таки соизволит вернуться, предупреди меня, ладно?

Земля согласно шепнула:

– Как скажешь…

Глава 3

На следующее утро я снова проснулась поздно. Не иначе как местный распорядок все-таки начал сказываться: вчера я пробыла в саду до темноты и вернулась в свои покои только тогда, когда почувствовала, что меня ищут откровенно встревоженный Ниг и не менее встревоженный Вега с господином Иггером.

Конечно, на территорию сада «дворецкий» не посмел зайти сам и валлионцам не позволил, но Знак позволял мне почувствовать их близость даже из противоположного конца. Поэтому, ощутив их беспокойство, я вспомнила о времени, охнула и поспешила вернуться, после чего, извинившись перед

спутниками за задержку, о которой, разумеется, никого не предупредила, с виноватым видом удалилась в свои покои.

Но, надо признать, эта прогулка многое мне дала – я успела не только обойти большую часть сада, не только добилась от земли понимания, но смогла хорошо ее почувствовать и заодно убедилась в том, что дворец надежно экранирован от влияния Знака. В моем новом состоянии он ощущался, как некая мрачная громада, стискивающая сад со всех сторон и мешающая ему… то есть мне… нормально дышать. Через него не проводился ни один зов, до живущих внутри людей было невозможно достучаться. Он был холоден и неприступен, как создавший его владыка. И угрюмой тенью вырастал на моем пути всякий раз, когда я пыталась найти способ выбраться из каменных объятий. Не говоря уж о том, что я не сумела почувствовать окружающий лес, не дающих мне покоя зеленых лис и другую живность, которой там водилось немало. Да и вообще, в какой-то момент я вдруг ощутила себя настоящим зэком. Знаете, элитным таким зэком, у которого и пол в камере с подогревом, и роскошное ложе стоит вместо скрипучей койки, и душевая кабина с вибромассажем, и даже личный охранник совмещает функции придворного…

Вот только суть-то от этого не меняется: тюрьма есть тюрьма, даже если решетки в ней золотые. А дворец, по большому счету, являлся для Знака именно клеткой – просторной, богато оформленной и абсолютно надежной клеткой, ключ от которой находился в руках совершенно постороннего человека.

И это было крайне неприятное ощущение. Благодаря которому я довольно быстро поняла, почему некоторые люди так нервно относятся к замкнутым пространствам: стены дворца давили настолько сильно, что это вызывало глухое раздражение. А тот факт, что из-за магии повелителя они становились неодолимым барьером, превращал раздражение в ярость. Проведя в слиянии всего несколько оборотов, я ощутила ее настолько хорошо, что уже начала подумывать о локальном катаклизме, способном разрушить эту мерзкую тюрьму. А уж как себя в ней чувствовала веками томящаяся в ней земля, вообще было сложно представить.

К слову сказать, она до последнего старалась не утомлять меня своими переживаниями – все то время, что мы были одним целым, она очень тщательно оберегала меня от негатива. Для меня были открыты все уголки сада, я могла наслаждаться бушующими вокруг красками, вдыхать ароматы цветов, радоваться густой тени, не дающей солнцу обжечь мою светлую кожу… но при

этом я так и не смогла до конца понять причины отрицательного отношения земли к повелителю. Она почему-то не пожелала раскрыть эту тайну. Соблюдала напряженное молчание, когда я пыталась прояснить данный момент, а под конец ненавязчиво отстранилась и, в конце концов, просто разорвала слияние, словно боялась, что ответ на мой вопрос приведет к еще более печальным последствиям, чем сейчас.

Хотя, казалось бы, куда уж больше?

Я размышляла над этим остаток вечера и все следующее утро, пока ждала приглашения от повелителя. Мы ведь не закончили вчерашний разговор, верно? Поэтому я полагала, что хотя бы сегодня удастся уточнить кое-какие детали. Но поскольку нарушать свое обещание и без спроса появляться в саду не хотелось, то приходилось терпеливо ждать, то и дело напоминая себе о том, что местные жители не поднимаются с постелей раньше полудня. К тому же мне было интересно засунуть нос в библиотеку владыки и полистать местные летописи. А без него кто ж меня туда пустит?

Короче, я все утро провела как на иголках. А когда поняла, что ожидание затягивается, вызвала Нига и попросила принести какую-нибудь книгу. Желательно, историческую. Если, конечно, повелитель не оставил на ней какого-нибудь нелепого запрета.

Запрета, к счастью, никакого не оказалось, так что после обеда я смогла со спокойной душой забраться в кресло и уделить внимание самообразованию. Однако, как вскоре выяснилось, книга была написана на местном наречии, так что для ее прочтения мне понадобилась помощь Дэла, которому как раз выпала очередь дежурить возле моей двери. Отчего процесс чтения потерял больше половины своей прелести, да еще и неугомонный Дракон частенько спотыкался на незнакомых словосочетаниях и без конца пытался комментировать прочитанное. Так что в итоге я даже пожалела, что не привлекла к этому делу более уравновешенного Вегу. А не попросила гвардейцев поменяться местами только потому, что для полноценной охраны нашего крыла их было слишком мало, поэтому они банально не успевали отдыхать. Вот я и пожалела отсыпающегося Дракона, не рискнув его будить ради своих капризов. Но при этом к вечеру так устала от болтливого Дэла, что попросила его отложить чтение до следующего раза. Тем более что лично для себя я ничего нового из книги не вынесла: полученные сведения вполне укладывались в рамки того, что уже успели рассказать владыка и Ниг.

Оставшись в одиночестве, я снова принялась терпеливо ждать приглашения. Однако ни через час, ни через два, ни даже через три повелитель так и не объявился. Пришлось идти на ужин не солоно хлебавши, а потом в полнейшем недоумении снова возвращаться к себе и до самой ночи гадать о причинах столь внезапного изменения планов владыки.

Гм.

А может, он все-таки успел меня почувствовать и от этого еще больше взъелся? Может, ему все-таки земля что-то шепнула перед сном, поэтому он не пожелал меня больше видеть? Обиду переваривает? Строит планы мести? Хотя нет… мне бы земля сказала: ЕГО она чувствует гораздо лучше, чем я. Да и не стал бы он так мелочиться: повелитель никак не похож на дующегося по пустякам подростка с заниженной самооценкой. А значит, дело в другом…

Утром я подскочила с постели, полная решимости прояснить этот скользкий вопрос. Наскоро позавтракав и вызвав Нига, с самого ранья озадачила его вопросом, что называется, «в лоб», но, к собственному неприятному удивлению, выслушала совершенно дежурный ответ:

– Повелитель очень занят, поэтому не сможет вас сегодня принять.

Интересное кино, правда?

Недолго поразмыслив, я позвала Вегу и отправилась в его компании исследовать многочисленные дворцовые коридоры. В надежде, разумеется, на то, что мы обязательно забредем «куда-нибудь не туда», и нас очень настоятельно попросят «покинуть это место». Более того, к процессу «забредания» я отнеслась со всей ответственностью, поэтому категорически отказалась от сопровождающего и сразу после завтрака устремилась в неизведанные дворцовые дебри с азартом естествоиспытателя. Однако, с собственному огромному сожалению, никаких препятствий в перемещении не встретила. Вернее, я вообще никого в этих тоннелях не встретила, пока старательно исследовала все малоосвещенные тупики и погруженные в полумрак, абсолютно необитаемые коридоры. Мне никто не мешал любоваться на красивую лепнину на стенах и потолках, заходить в многочисленные, поражающие своими размерами и великолепием залы, гулять по террасам, слушать тихое шуршание нашедшихся прямо внутри этих самых залов фонтанов, наслаждаться

изумительными по своему исполнению скульптурами, картинами, искусно вытканными гобеленами… прямо как в мировом музее, который на этот день был открыт лишь для одного-единственного посетителя.

Что самое неприятное, заблудиться нам так и не удалось, потому что открытые для посещения залы и галереи были, кажется, закольцованы, так что спустя несколько оборотов блужданий мы вернулись к тому же месту, откуда начали. То есть практически к гостевому крылу.

– Умно, – сухо констатировала я, поняв, что некто заранее предусмотрел последствия моего неуемного любопытства и изящно закруглил мой длительный вояж. Вероятно, специально перекрыв для этого часть тоннелей и сделав доступными только те, которые благополучно возвращали к исходной точке. – Кажется, нас собираются игнорировать?

Вега удивленно на меня покосился, однако комментировать поостерегся. И правильно – потому что я к тому времени находилась в опасном шаге от того, чтобы нарушить данное повелителю слово. Впрочем, наскоро прикинув свои шансы, я все-таки решила повременить с единоличным посещением сада и предпочла сперва пообедать, прежде чем продолжать активную деятельность. Заодно озадачила Нига доставкой книг на эйнараэ, которые могла бы читать без посторонней помощи, а также вежливо намекнула на то, что хотела бы в ближайшее время покинуть дворец… с разрешения владыки, разумеется… и посмотреть на окрестности.

Последняя просьба вогнала слугу в непродолжительный ступор.

Уставившись на меня огромными испуганными глазами, он икнул и пролепетал:

– Но, госпожа… вам туда нельзя!

– Почему? – спокойно осведомилась я.

– Но вы ведь без защиты!

– А разве мне что-то угрожает? – мило улыбнулась я, заметив, что маленького слугу начинает явственно потряхивать. – К тому же несколько дней назад

повелитель разрешил мне покинуть дворец, поэтому будь так добр – уведоми илэ Мариоло о моем намерении.

Услышав про мага, Ниг чуточку расслабился, но все равно осторожно уточнил:

– А илэ Мариоло знает, что должен вас сопровождать?

– Если владыка не забыл о своем обещании, то да.

– Хорошо, госпожа, – вздохнул слуга. – Я передам уважаемому илэ, что вы его ожидаете.

– Благодарю, – кивнула я, знаком отпуская изрядно обеспокоенного «дворецкого».

Интересно, что его так напугало? И почему сам факт моего отъезда вызвал у него столь бурную реакцию? Даже имя мага его не успокоило. Неужто снаружи есть какая-то опасность?

Гм, не верю. Снаружи мы уже были. И не только в лесу, но и в болоте. С нежитью прекрасно знакомы, бояться ее не боялись, а в лесу – я точно знаю – никакой угрозы для нас нет и в помине. Разве что лисы те странные проявили непонятный интерес? Но с ними я точно найду общий язык. А вот кого бы мне действительно хотелось увидеть – так это здешнего хранителя… здесь же должен быть старший хранитель? Такой же, как Риа, Ур или мой красавец-Олень? Насколько я помню из Учения, раньше у Пустыни хранителем являлся Ящер. Но вот ведь в чем вопрос: после отделения этой части Во-Аллара куда подевался старший хранитель? Если он здесь, то почему я его все еще не ощущаю? Почему я его просто НЕ ВИДЕЛА? Если уж Знак был так любезен, что поделился частью своих сил, то где тогда та их часть, которая ответственна за призыв хранителя?

Интересный вопрос?

Еще как!

А вот вам другая задачка: если у земли нет настоящего Ишты, то кому тогда подчиняется этот хранитель? А если у нее есть… назовем владыку пока не Хозяином, а охранником… так вот, если у нее есть охранник, то должен ли хранитель его слушаться? Если да, то почему в таком случае его здесь нет? А если нет, то почему тогда я его в лесу не ощутила? Он же должен был меня почувствовать и как-то отреагировать, правда?

И даже если предположить, что те зеленые лисы – младшие хранители, то почему они живут в лесу, вдалеке от Знака, вместо того, чтобы охранять его… ну, к примеру, от того же владыки, раз уж его так не любит земля?

Или из-за магической защиты дворца земля просто не может до них докричаться?

Гм. Возможно. Но тогда как они это допустили? И почему за столько веков не попытались восстановить нарушенное равновесие? Хотя, может, они раз попытались? И возведенная вокруг Знака каменная громада на самом деле не только охраняет Знак от чужаков, но и лишает хранителей возможности к нему пробиться?

Добравшись до этой мысли, я нахмурилась.

Но если все так, то получается, что нынешний повелитель тут ни при чем: дворец был возведен задолго до его рождения. И не исключено, что заключенная в нем магия появилась так же давно.

Но какой был резон его предкам так себя подставлять? Зачем рисковать благосклонностью Знака с самого начала? И как они потом разрешали это противоречие, вдобавок к своему дабараэ?

Честно говоря, понятия не имею. А чтобы разобраться, мне, опять же, позарез нужен наш разобиженный владыка и его библиотека, в которую без него меня никто не пропустит.

Выводы?

Промаявшись от безделья вторую половину дня, ближе к вечеру я решительно выбралась из гостевого крыла и потребовала от Нига проводить меня в малую трапезную. Тот, конечно, удивился, потому что за прошедшую неделю я впервые изъявила желание поужинать вместе с другими гостьями повелителя, но послушно проводил. И меня, и господин Иггера, который не рискнул доверить мою охрану на этом мероприятии даже благоразумному Веге. Ответственный, значит.

Я, правда, не особенно надеялась, что встречу здесь без вести пропавшего владыку, но попробовать все равно стоило. Поэтому я стойко отсидела положенные два оборота трапезы, ловя на себе любопытные, недоуменные и даже откровенно завистливые взгляды. Однако, что примечательно, ни одна из обряженных во все те же отвратительно розовые платья «невест» не рискнула со мной заговорить. Более того, за время ужина никто из них не произнес ни единого слова: они молча туда пришли, отстав от нас с Нигом буквально на несколько минок, так же молча расселись по заранее оговоренным местам, в полнейшей тишине поклевали салаты и вычурного вида плюшки, а потом все в том же угрюмом молчании дружно поднялись и, как цыплята, друг за дружкой вышли, оставив меня наедине с богато накрытым столом и стремительно растущим раздражением.

– Я должна увидеть владыку, – требовательно повернулась я к вздрогнувшему от неожиданности «дворецкому». – Можешь это устроить?

– Г-госпожа…

– Я спрашиваю: можешь или нет передать ему мою просьбу? – сухо повторила я, а господин Иггер добросовестно перевел.

– Н-нет, госпожа! – испуганно выдохнул Ниг, уставившись мне прямо в глаза и стремительно побледнев. – Повелитель велел его не беспокоить! И просил передать свое сожаление по этому поводу…

– Когда ты его видел?

– Вч-чера утром, госпожа. Когда понял, что…

Я недобро прищурилась.

– Договаривай.

– Когда понял, что вы снова хотите попасть в сад! – выпалил Ниг и тут же съежился. – Простите, госпожа. Мне показалось, что вы не откажетесь от своей идеи, для чего и отправились гулять по дворцу. Но мне не хотелось, чтобы вы снова нарушали пожелание господина, поэтому я взял на себя смелость…

Я смерила слугу задумчивым взглядом.

Не ожидала, что он рискнет без приказа сунуться к повелителю. А парень, кажется, очень ответственно подошел к своим обязанностям и искренне верит, что должен предугадывать мои желания. Более того, каким-то чудом у него это действительно получается, так что, наверное, к Нигу имеет смысл присмотреться повнимательнее.

– Хорошо, – медленно проговорила я. – Ты спросил у повелителя… и что тебе ответили?

– Г-господин с-сказал, что какое-то время не с-сможет вас принять, – запинаясь, прошептал слуга и тут же уронил взгляд в пол.

– Не сможет или не захочет?

– Он сказал «не сможет», госпожа.

Я неуловимо нахмурилась.

– А он объяснил причины такого решения?

– Н-нет, госпожа. Повелитель не отчитывается перед слугами.

– И правда… прости, – тут же смягчилась я. – А что еще он сказал?

– Б-больше ничего, – виновато понурился Ниг. – Но мне показалось, что господин не очень хорошо себя чувствует. И он… простите… не хочет, чтобы вы об этом знали.

Я вздрогнула и беспокойно поднялась.

А вот это уже больше похоже на правду: кажется, повелитель все-таки перенапрягся, пока латал этот грешный Купол. Причем настолько, что уже вторые сутки не может прийти в себя и старательно скрывает этот факт от… кого? От меня?

Я снова нахмурилась.

Странно, конечно, но у каждого свои тараканы в голове – не хочет демонстрировать слабость, и ладно. Это я прекрасно понимаю. Тем более раз дело касается самоуверенного, гордого и высокомерного мужчины. Но меня тревожит факт того, что сильнейший маг этого мира, проживающий на территории огромного артефакта, построенного с целью сбора магического ресурса, вдруг на протяжении нескольких суток оказался не способен восстановиться. И мне это, признаться, очень не нравится.

Демон… как же некстати в этом дворце не действует моя сила!

Внимательно посмотрев на переминающегося слугу, я тихо спросила:

– Скажи мне, Ниг, что для тебя важнее: выполнение приказа или благополучие твоего господина?

«Дворецкий» съежился еще больше и затравленно покосился по сторонам.

– Что бы ты выбрал, если бы пришлось выбирать между здоровьем владыки и навязанным им повелением? Как бы поступил, если бы точно знал, что неисполнение его приказа может грозить тебе худшим, чем смерть, но при этом спасло бы ему жизнь?

Ниг звучно сглотнул.

– Я… я не знаю, госпожа.

– Плохо, – огорчилась я. – Потому что, боюсь, сейчас тебе придется делать именно такой выбор.

– Что вы задумали, леди? – вдруг осведомился господин Иггер, которому явно разонравилось происходящее.

– Хочу проверить кое-какие догадки. И, возможно, от одной из них будут зависеть наши с вами жизни.

– Н-нет, – отчаянно замотал головой слуга и поспешно попятился. – Нет, такого не может быть… Господин не может умереть! С ним ничего не может случиться!

Я скептически приподняла брови.

– Ты в этом уверен?

Под моим пристальным взглядом Ниг замер и испуганно округлил глаза.

– Два дня назад едва не был разрушен ограждающий Купол, – ровно сообщила я, и он тревожно дернулся. – Не сам по себе, конечно. Тень, как ты знаешь, очень упрямая леди. И ваше появление в этом месте ей сильно не по душе. Разумеется, она и раньше выказывала свое недовольство, но до некоторых пор повелители весьма успешно сдерживали ее напор и закрывали образующиеся в Куполе трещины. Вот и теперь владыка исполнил свой долг. Но при этом, боюсь, он мог не рассчитать сил, потому что даже магу разума трудно противостоять армии Айда и высшим демонам, стремящимся прорваться в Элойдэ-шаэрэ. И я не знаю, чем он успел пожертвовать ради того, чтобы ваш мир уцелел.

– Откуда вы знаете?! – прошептал побледневший Ниг.

– Какая разница? – поморщилась я. – Но если ты – маг, то должен уметь отличать правду от лжи. И должен понимать, что мне незачем тебя обманывать. Скажу больше – сегодня я настойчиво искала не возможность нарушить данное твоему владыке слово, а хотела найти его самого. Для того, чтобы убедиться, что с ним все в порядке, и увидеть, что в схватке с Тенью он пострадал не настолько сильно, как мне показалось. Поверь мне, талант к дабараэ еще не повод быть уверенным в том, что маг сумеет без последствий противостоять Пустоте.

Потому что она слишком хорошо умеет убивать. Только иногда делает это не сразу.

«Дворецкий» неуверенно поднял взгляд и побледнел еще больше, заглянув в мои глаза.

– Вы… говорите правду, госпожа, – едва слышно прошептал он, снова попятившись. – Не понимаю, откуда вы могли узнать, но я верю вам.

– Хорошо, – очень серьезно посмотрела на него я. – Значит, мне не придется заставлять тебя нарушить приказ твоего господина и открывать портал к его покоям. И не придется доказывать, что, скорее всего, владыка, отказавшись от моей помощи, сейчас очень и очень рискует.

Ниг прикусил губу.

– А если вы ошибаетесь?

– Значит, я отвечу перед твоим господином. Тебя в любом случае наказывать не за что. Ты ведь все еще обязан выполнять мои прямые приказы?

– Если не входят в разрез с приказами господина… да.

– А разве господин приказывал тебе не приводить меня к своим личным покоям?

– Н-нет.

– Ну вот видишь, – улыбнулась я. – Значит, тебя не за что наказывать. Зато если я права, и мы опоздаем лишь потому, что ты слишком долго сомневался… скажи, что будет с вашим миром, если повелитель потеряет силу?

Ниг вздрогнул во второй раз и, крепко зажмурившись, отвернулся.

– Хорошо, я понял. Только я не смогу доставить вас прямо в покои господина – у меня нет доступа.

– Доставь куда сможешь, – посерьезнела я. – Только держись, пожалуй, у меня за спиной.

– Это еще зачем? – не сумел скрыть своего изумления Ниг.

Я негромко хмыкнула.

– За тем, что ваши «черные» плащи, охраняющие подступы к покоям владыки, вряд ли будут нас слушать. И потому, что они могут не понять нашего стремления туда проникнуть. А мне бы не хотелось лишиться твоих услуг раньше времени.

– Как прикажете, госпожа, – поежился Ниг и, тяжело вздохнув, щелкнул пальцами.

Портал привел нас в какой-то коридор, который, судя по росписям и обилию украшений на стенах, а также по наличию в ней личной охраны повелителя, располагался в непосредственной близости от его покоев. Правда, в данный момент времени стражникам в одинаковых черных доспехах, украшенных уже знакомым мне гербом в виде дракона с цветущей веточкой, было явно не до нас, поэтому наше появление осталось для них незамеченным.

Наскоро оглядевшись, я сразу поняла, что оказалась в правильном месте и в нужное время: стены коридора были густо покрыты изморозью, на полу образовалась настоящая ледяная корка, а воздух, несмотря на магическую защиту, был настолько холодным, что изо ртов охранников вырвались густые облачка белого пара. Доспехи воинов тоже покрылись тонким слоем инеем, образовавшим на металле красивые серебристые узоры. Брони, шлемы, ремни, сапоги, перчатки… даже рукояти покоящихся в ножнах мечей выглядели так, словно тут побывал Дед Мороз. Такие же узоры красовались на каменных колоннах, на идеально гладком полу и потолке, постепенно становясь тем плотнее и явственнее, тогда как виднеющиеся в противоположном конце коридора красивые двустворчатые двери и вовсе оказались полностью скрыты за толстым слоем наледи. А прямо возле них, беззвучно скаля огромные клыки, в угрожающей позе стояли две шестиногие Тени, в которых я моментально признала раздраженных охотников.

Собственно, охрана только потому и не обратила на нас внимания, что была всецело занята подопечными повелителя. Причем дело дошло до того, что весь десяток его личной стражи уже обнажил мечи и с решительным видом двинулся на штурм, явно отлично представляя, что такое Тень и почему коридор превратился в черт знает что. Правда, мне было непонятно, какого лешего они так долго тянули и почему не спохватились раньше, когда Ее следы только-только появились на стенах. Но тут, видно, сыграл роль испытываемый здешними жителями трепет перед так называемым господином. Так что, наверное, они до последнего опасались потревожить его покой или нарушить какой-нибудь приказ, и лишь когда стало очевидно, что повелитель больше не контролирует свой дар, рискнули вмешаться.

Гм.

Я скептически оглядела десяток чужих спин и покачала головой: что-то сомнительно, что охотники подпустят к себе хоть кого-то из охраны. У них, вполне вероятно, тоже есть приказ. Так что людей они если не убьют, то совершенно точно покалечат, пытаясь его исполнить. Если, конечно, не найдется кто-то, кому они поверят больше, чем излучающим тревогу стражникам.

Придержав за плечо выступившего вперед и уже открывшего рот Нига, я вежливо кашлянула. А когда весь десяток стражи проворно развернулся, с самым невозмутимым видом шагнула к дверям.

– Господин Иггер, – властно сказала, пока никто не успел открыть рот. – Объясните этим людям, кто я, и скажите, чтобы опустили оружие. Ниг, немедленно вызови сюда илэ Мариоло. Мне понадобится его помощь.

– Я уже здесь, – чуть запыхавшись, вдруг вывалился прямо из пустоты вышеупомянутый маг. Молодец. Услышал свое имя и метнулся на зов еще до того, как растерянный слуга успел что-либо промямлить. Эх, до чего же удобная у них тут система оповещения… надо будет Эннару рассказать. Когда вернемся.

– Добрый вечер, сударь, – спокойно поприветствовала я озадаченного мага. Тот машинально кивнул, но потом рассмотрел, что творится в коридоре, и приглушенно охнул.

– Повелитель!..

Стража молча расступилась, когда маг испуганной птицей метнулся к покоям владыки, на ходу выплетая какое-то сложное заклятие. Илэ Мариоло они явно знали и не собирались чинить ему препятствий, из чего можно было заключить, что маг пользуется полным доверием владыки и вхож в его личные покои без каких-либо ограничений. Вот только охотники, к сожалению, об этом не знали или же получили прямой приказ не пропускать НИКОГО – при виде мага они распустили свои шипастые хвосты с ядовитыми железами на кончиках, раздулись, как шарики, грозно оскалились и синхронно зашипели. Да так громко, что господин чародей споткнулся на полном ходу и, не добежав до дверей всего нескольких шагов, замер, как вкопанный.

В тот же миг с его пальцев сорвалось сразу несколько десятков золотистых искр, устремившихся к стенам, потолку и обледенелым дверям. Ярко полыхнув и обдав столпившихся в коридоре людей волной приятного тепла, они устремились вперед… по пути стремительно разрослись до размеров теннисного мяча… еще больше потеплели… а затем с размаху врезались в обледенелые двери и, оставив на них небольшое подтаявшее пятнышко, бессильно угасли.

Илэ Мариоло вздрогнул, явно не ожидая от своей магии подобного пассажа, и забормотал что-то еще. Но тут уж я не выдержала и, сделав несколько быстрых шагов, успокаивающе положила руку ему на плечо.

– Позвольте мне, мастер?

От прикосновения маг снова вздрогнул и ошарашенно обернулся. Готовое сорваться с его пальцев новое заклятие зависло, озарив руки хозяина призрачным сиянием. Несколько синов спустя господин Иггер догадался перевести мои слова, и в глазах чародея проступило сомнение. Но затем он все же почувствовал идущую от моей ладони силу. Его зрачки изумленно расширились, рот непроизвольно приоткрылся, и оттуда вырвался приглушенный вздох, больше похожий на всхлип.

Не дожидаясь, пока он придет в себя, я обошла его стороной. Остановилась в паре шагов от напряженно замолчавших охотников и, чувствуя, как внутри снова просыпается частичка Дема, властно велела:

– Ко мне!

Тени тревожно присели, когда у меня резко изменился голос и потемнели глаза. Поспешно захлопнули пасти, свернули хвосты, нервно потянули ноздрями воздух. Какое-то время, словно не замечая воцарившегося за моей спиной гробового молчания, еще колебались и беспокойно косились на окаменевших людей, но затем все-таки неуверенно шагнули мне навстречу, одновременно с этим освобождая проход. Сперва один шаг… затем другой… третий…

Я удовлетворенно кивнула, когда ледяной нос одного из охотников осторожно потянулся к моей левой ладони, и требовательно положила руку ему на холку. Зверь тут же пригнулся, стоя на полусогнутых лапах, неопределенно зашипел, но вскоре затих, смиренно опустив морду. И лишь следил напряженным взглядом за приближением собрата, который до самого последнего мига продолжал неуверенно принюхиваться и скалить зубы.

– Молодцы, – сухо похвалила я Теней, когда они уселись возле моих ног. – А теперь откройте двери.

Охотники вскинулись, встопорщив короткую шерсть на загривках, но под моим ледяным взглядом увяли и, вздохнув, растворились в воздухе. Краешком глаза я еще успела заметить, как две смазанные тени метнулись к покоям повелителя. Удовлетворенно улыбнулась, подумав о том, что Дем и Гор, сами того не зная, передали мне намного больше, чем говорили. После чего услышала долгий протяжный скрип, закончившийся громким треском ломающегося льда, и внимательно посмотрела на медленно, с явным трудом расходящиеся в стороны створки, на которых успело нарасти, наверное, сантиметров сорок сплошной ледяной корки.

– Аллар милосердный… – не сдержал эмоций господин Иггер, когда перед нами распахнулся непроницаемо-черный вход, выглядевший, как врата в Подземелье. Оттуда пахнуло таким холодом, что моя кожа мгновенно покрылась огромными мурашками, а подол на платье стал похож на накрахмаленный колокол – жесткий и готовый скорее сломаться, чем изменить форму. На стенах наледи стало раза в три больше, коридор промерз на всю глубину. Упрямая изморозь, покрыв инеем все доступное пространство, уверенно устремилась дальше, оставив после себя идеально гладкий каток вместо пола, припорошенные самым настоящим снегом колонны и тринадцать дрожащих от холода снеговиков, у которых на усах и ресницах в считанные сины выросли длинные сосульки.

– Плохо дело, – пробормотала я, ненадолго обернувшись. – Пожалуй, будет лучше, если вы постоите здесь.

Стража невнятно замычала, оказавшись запертой внутри обледенелых доспехов, как раки – в панцирях; господин Мариоло, отбивая зубами нервную дрожь, что-то квакнул – наверное, согласился с мнением охраны. Ниг жалобно всхлипнул, а господин Иггер, убедившись, что не может толком пошевелиться, сдавленно прошептал:

– Будьте осторожны, миледи… если с вами что-то случится, его величество мне голову оторвет.

– Я ему не позволю, – без улыбки отозвалась я и, стряхнув с платья мелодично зазвеневшие льдинки, двинулась вперед.

Правда, осторожничала я не оттого, что боялась – просто на каблуках по льду особенно не разгуляешься, а мне бы не хотелось навернуться у всех на виду и до кучи испортить новое платье. Это-то выбила из мастера Гриоло с огромным трудом. Вдруг ему потом совесть не позволить еще раз сшить такой шедевр?

Возникшие из ниоткуда охотники безмолвно пристроились по обе стороны от меня. Им-то царящий вокруг холод не мешал: в отличие от смертных, этим тварям такие погодные условия не в новинку, так что теперь я хорошо понимала, почему владыка дал им строгий наказ стеречь эти проклятые двери. Если вырвавшаяся из-под контроля Тень расползется по всему дворцу, Знаку придется туго. А вместе со Знаком – и земле, и вообще всему живому. Тот же Купол, по большому счету, мог не быть рассчитан на влияние Пустоты с внутренней стороны охранного заклятия. Но… черт его побери!.. почему повелитель вообще это допустил?! Почему он не сказал? Не позвал никого на помощь? Для чего было запираться тут, как в склепе, и надеяться, что оно как-нибудь само рассосется?!

Мельком оглядев покои, я раздраженно дернула плечом.

Ну точно… склеп и есть. Мрачный, без единого лучика света, холодный и почти пустой. Если бы не толстый слой льда на стенах и потолке… разика этак в два побольше, чем был сейчас в коридоре… я бы вообще ничего не увидела. А так еще можно разглядеть некогда роскошный ковер на полу, больше похожий на

хорошо промороженную тряпку; огромное окно, закрытое промерзшей насквозь и ставшей жесткой, как пластик, шторой; большие рамы, где раньше были картины, а теперь красовались только причудливые узоры из инея; слившиеся в одно целое и покрытые целой шапкой из слежавшегося снега письменный стол и некогда удобное кресло. А также широкое ложе у дальней стены, где, как в ледяном гробу, совершенно неподвижно лежал припорошенный снегом повелитель, на лице которого застыла жутковатая гримаса.

Он был похож на настоящего покойника – бледный, с темными кругами под глазами и резко заострившимися чертами лица. Причем я не заметила, что он вообще дышит – за то время, что мне потребовалось, чтобы добраться до постели, грудная клетка владыки не совершила ни одного вздоха. Его ресницы не затрепетали, лежащие поверх одеяла и скрещенные на груди тонкие, как будто даже высохшие, как после тяжелой болезни, пальцы не пошевелились, а из-под плотно сомкнутых губ не вырвалось даже крохотное облачко пара, которое могло бы подсказать, что он еще жив.

– Ни-и-иг! – крикнула я, коснувшись руки повелителя и едва с шипением ее не отдернув: блин, холодно! Причем холод уже такой, что почти обжигает. – Ниг, у вас тут лекарь есть?!

– П-простите… к-кто? – спустя пару синов донесся снаружи дрожащий голос «дворецкого».

– Лекарь! Доктор! Целитель… кто угодно! – крикнула я, снова коснувшись руки владыки. – Твоему господину требуется помощь! Кажется, он надорвался, и темная половина его дара вышла из-под контроля!

– Это невозможно! – приглушенно ахнул снаружи илэ Мариоло.

Я поморщилась.

Ну да, конечно – владыка же самый-самый… великий, могучий и неуязвимый. А то, что он тут лежит неживой и даже вдохнуть не может, потому что Тень завладела им целиком, это мелочи. Так, пустячок, о котором даже и говорить не стоит.

Позволив частице Дема завладеть моим телом целиком, я всмотрелась в побледневшую ауру повелителя и вздохнула. Ох, как же все было плохо! От лежащего передо мной мужчины, по сути, осталась одна оболочка. Полностью истощенное и лишенное ресурсов тело. Тогда как душа витала где-то очень далеко и, по-видимому, не собиралась возвращаться. Более того, у него появилась нешуточная проблема с даром: владыка действительно потерял контроль. Израсходовав все доступные резервы на борьбу с Куполом, он почти сжег светлую его часть, благодаря чему темная, наоборот, взяла верх и теперь стремительно захватывала новые территории.

Правда, судя по висящей над телом сложной паутине какого-то заклятия, повелитель все-таки пытался вернуть контроль, а когда это не удалось – отграничил рвущуюся через него Тень и на какое-то время действительно обезопасил свой мир от ее смертоносного дыхания. Но то ли что-то пошло не так, то ли просто сил не хватило, однако полностью остановить процесс не удалось. И повелитель превратился в открытую настежь дверь, откуда буквально выплескивалась сила Изнанки, превращая все, что есть вокруг, в вымороженную до основания, лишенную жизни пустыню. Причем пока не разрушится телесная оболочка призвавшего ее мага, этот процесс еще как-то будет сдерживаться, но как только она поддастся рвущейся изнутри силе…

С трудом угомонив свою темную частичку, я сглотнула и, обернувшись к дверям, снова крикнула:

– Ему СРОЧНО нужен лекарь! Господин Иггер, скажите этим недоумкам, что если повелителю не помочь, через пару дней никакой Купол не спасет их мир от гибели!

– Простите, миледи, но… вы не поверите – здесь нет лекарей! – спустя пару секунд деревянным голосом отозвался валлионец.

– ЧТО?!

– Они никогда не болеют, – так же механически пояснил командир, выслушав торопливую абракадабру от Нига. – Повелитель избавил их от этой напасти, поэтому они даже не знают, что такое насморк. А раз нет болезней, то нет и тех, кто стал бы их лечить… миледи, там действительно все так серьезно?

Я чуть не сплюнула.

– А как же маги? У них что, никто не знает целительных заклинаний?!

– Владыка знает…

– Вот жеж мать! – я с раздражением покосилась на мертвенно-бледное лицо вышеупомянутого владыки. – Как они вообще живут, если один человек обладает безграничной властью, а остальные только и могут, что слепо подчиняться?! Неужели никто ни разу не подумал, что повелитель может обессилеть?! Неужели никому в голову не пришло, что ему когда-нибудь ТОЖЕ понадобится помощь?!

Укоризненно покачав головой, я снова посмотрела на обездвиженного мужчину и тяжело вздохнула.

– Вот скажи: зачем ты превратил своих подданных в стадо баранов, а? Почему не подумал, что даже для самого лучшего мага когда-нибудь может потребоваться замена? Ты ведь для них и солнце, и луна, и защитник, и охранник, и тюремщик… даже заболеть без твоего приказа они не могут! И как только ты слег, во что никто из них до сих пор не верит, не нашлось тех, кто посмел бы принять за тебя решение…

Повелитель, конечно же, не ответил. И даже не шелохнулся, когда я присела на краешек постели и, положив правую руку ему на лоб, прикрыла глаза. В самый последний момент подметив, что безмолвные охотники улеглись у меня в ногах, но не рискнув на них отвлекаться. Сейчас у меня другая задача – повторить подвиг Гора и вернуть ненормальному магу хотя бы часть его сил. Я – Ишта. У меня должно получиться. Но сколько на это потребуется времени и моих собственных резервов…

– Люди должны ошибаться, – прошептала я, прислушиваясь к едва слышному биению чужого сердца. – Благодаря ошибкам они развиваются и становятся лучше. Отбери у них это право, и они лишатся свободы. Зачем нужна жизнь, если ты в ней ничего не решаешь? Конечно, некоторые найдут смысл и в служении, но разве для того вы уходили с Во-Аллара, чтобы стать рабами собственных заблуждений? Разве для того отказывались от богов, чтобы заменить их на нового идола?

Владыка неожиданно вздохнул, словно что-то услышал и понял. А я слабо улыбнулась и, открыв свои Знаки, второй рукой крепко сжала его ладонь.

Ничего… выкарабкается… мне не впервой удерживать кого-то на пороге Тени. Даже путешествую в Пустоте в свое удовольствие, беззастенчиво пользуясь подарком брата. Повелитель, правда, об этом не в курсе, ну да не в нем суть.

Главное, что я это знаю, а остальное уже неважно.

Глава 4

Сколько я просидела возле истощенного мужчины, постепенно покрываясь инеем, трудно сказать – я за временем не следила, да и не могла, если честно. Близость Тени всегда вызывает оцепенение, замедляет мысли, стирает эмоции, забирает беспокойство, тревогу… все то, что в тот момент было для меня лишним. И то, без чего я гораздо легче перенесла леденящее душу прикосновение Пустоты.

Первым признаком того, что дело пошло на лад, стало недовольное ворчание охотников. Затем они заерзали, зашипели, а в какой-то момент отошли в сторону, прекратив, наконец, отдавливать мои ноги. И это было хорошо… значит, Тени здесь осталось немного. А находящийся без сознания повелитель, частично восстановив резерв, тут же направил его на работу заклятия, сдерживающего темную половину его дара.

Спустя еще какое-то время я ощутила, что промерзшее насквозь, покрывшееся слоем самого настоящего снега платье снова стало мягким и… мокрым. Оно настолько холодило тело, что вынудило меня прийти в себя и, отпустив частичку брата, вернуться в обычный мир. Правда, мое зрение еще довольно долго оставалось черно-белым, а картинка – размытой, нечеткой, словно подернутой полупрозрачной дымкой инея. Но постепенно эта дымка истаивала, слабела, растворялась в воздухе… а вместе с ней из комнаты уходил и холод.

С некоторым трудом открыв глаза и осознав себя сидящей на чужой постели, я какое-то время вспоминала, что произошло и что это за мужчина с изможденным

лицом, которого я так упорно держу за руку.

Потом вспомнила. Облегченно перевела дух. Осторожно отняла ладонь от потеплевшего лба повелителя и поморщилась, внезапно ощутив, что мои ноги находятся по щиколотку в ледяной воде. А платье отвратительно липнет к телу, вызывая дрожь и желание поскорее переодеться.

Невольно передернув плечами, я огляделась и с изумлением обнаружила на полу самое настоящее озеро, в котором плавали не успевшие растаять льдинки. Под слоем мутноватой воды проглядывал безнадежно испорченный ковер, который от экстремальных температур потерял былую красоту и, судя по образовавшимся проплешинам, был готов расползтись по ниточке при первом же удобном случае.

На стенах тоже творилось демон знает что – от некогда висевших там картин и гобеленов осталось одно только название; краски на холстах потекли, смешались, превратив произведения искусства в совершенно невообразимую мазню; золоченые рамы потрескались. Письменный стол, горделиво возвышающийся посреди затопленной комнаты, больше походил на разграбленное пиратами судно. Стекавшая с него вода сбросила на пол все мелкие предметы, намочила пергамент, испортила несколько лежавших там книг. Помятые и поломанные перья валялись теперь на сидении такого же мокрого кресла. Опрокинутая чернильница окончательно замарала и без того пострадавший ковер. А несколько упавших со стола свитков лениво дрейфовали возле постели, то и дело тыкаясь в мои ноги, словно потерпевшие кораблекрушение в поисках спасительного берега.

Зябко поежившись, я перевела взгляд на владыку и вздохнула.

Ну вот… теперь он лежал не в ледяном гробу, а на нормальной перине, хотя толку от этого было, конечно, мало, потому что мокрые простыни явно не способствовали выздоровлению. Однако выглядел он гораздо лучше: губы порозовели, кожа стала теплой, а грудь спокойно поднималась и опускалась, как и положено нормальному человеку.

Отыскав взглядом убравшихся в дальний угол охотников, я строго велела им:

– На место!

И Тени, до последнего сторожившие двери, с нескрываемым облегчением убрались восвояси.

Убедившись, что они действительно ушли, я поднялась и, оправив мокрый подол, двинулась к выходу, стараясь не запутаться в складках и не споткнуться о всевозможный хлам, которого после таяния «арктических льдов» оказалось на полу предостаточно.

И откуда, скажите на милость, взялось столько мусора? Тени, что ли, развлекались, пока я была в сопоре?

Покачав головой и обогнув стул с отломанной (или отгрызенной?) ножкой, я добралась, наконец, до дверей и с любопытством выглянула наружу. Почти сразу отыскала бродящего по колено в воде илэ Мариоло, выглядящего потерянным Нига и беспокойно переминающегося возле самого порога командира, оглядела оттаявшие стены, покрытые красноречивыми следами недавнего буйства Тени, негромко позвала:

– Господин Иггер… все закончилось, можно расслабиться.

– Миледи?! – встрепенулся валлионец и, быстро меня оглядев, по традиции задал самый любимый свой вопрос: – Вы в порядке?!

– Замерзла, – призналась я. – Но повелитель помирать больше не собирается. Скажите илэ Мариоло, что его нужно перенести в сухое и теплое место. Прорывов Тени не будет.

Не успела я договорить, как маг со всех ног ринулся внутрь, расплескивая воду. Ниг от него почти не отстал, а на меня посмотрел с таким выражением, что мне стало неловко. Были в его взгляде и тревога, и безумное облегчение, и вполне объяснимая благодарность, а еще там виднелось нечто такое, в чем я неожиданно не сумела разобраться. Этакая смесь из самых разных эмоций, которые беспрестанно сменяли друг друга и не позволяли сосредоточиться на чем-то одном. Просто дикая какофония. Совсем, надо сказать, не для уставшей Ишты.

Пока командир добросовестно переводил мои слова подбежавшему магу, я поспешила посторониться, чтобы ринувшиеся в покои повелителя стражники не снесли меня вместе с дверьми. Но, надо отдать им должное, меня даже никто не задел, несмотря на то, что проржавевшие петли не позволили открыть створки больше, чем было. Следом за ними, квакнув господину Иггеру что-то напоследок, метнулся и господин Мариоло. Какое-то время они там шумели, охали и квохтали, осматривая погрузившегося в глубокий сон господина, но потом я с облегчением увидела, как они в десять пар рук бережно вынесли своего владыку и почти бегом кинулись в противоположный конец коридора.

Отмахнувшись от командира, который вдруг заикнулся по поводу моего внешнего вида, я поспешила за стражей. Догнав их на самом повороте, пристроилась поблизости от что-то встревоженно бормочущего мага и не отставала, пока не проверила, куда разместят моего пациента, и не убедилась, что о нем сумеют позаботиться. Напоследок еще раз проверила его лоб, а когда в комнату ввалилась толпа слуг и с тревожным гомоном принялась переодевать мокрого владыку, тихонько вышла.

– Миледи, как вы? – непривычно мягко поинтересовался бесшумно подошедший командир.

Я вздохнула, чувствуя, как стремительно накатывает усталость.

– Терпимо.

– Может, вы все-таки расскажете, что произошло?

– Расскажу, – снова кивнула я. – Но, наверное, не сейчас. Вы не знаете, где Ниг?

– Тут где-то крутился, а потом исчез… сейчас позовем, – огляделся господин Иггер и звучно хлопнул в ладоши. – Ниг!

– Звали, госпожа? – в тот же миг материализовался перед ним слуга, но почти сразу ойкнул и с виноватым видом обернулся ко мне. – Простите, госпожа, я почувствовал, что нужен вам, но не понял, что зов исходит от другого человека.

Я только отмахнулась.

– Мне опять нужна твоя помощь, Ниг.

– Я весь внимание, госпожа.

– Только… боюсь, тебе опять придется нарушить приказ, – призналась я и испытующе посмотрела на парня. Тот очень серьезно уставился на меня в ответ и, поколебавшись, кивнул:

– Я постараюсь выполнить ваше желание, леди.

– Спасибо, – облегченно улыбнулась я. – Мне нужно, чтобы на протяжении следующих двух дней ты неотлучно находился возле повелителя. Поскольку лекарей тут нет, а мне очень не хотелось бы снова упустить время, ты будешь внимательно следить за тем, что творится в его покоях. И если заметишь, что на стенах или на дверях снова выпадает изморозь, немедленно… слышишь?.. в любое время дня и ночи ты приходишь ко мне и докладываешь.

Ниг быстро кивнул.

– Да, госпожа. Только на это время мне придется препоручить вас заботам служанок.

– Я не возражаю.

– За вашими людьми тоже присмотрят – я найду нужного человека. Вам еще что-то нужно?

– Нет… хотя да. Мне нужно попасть в сад. Желательно, сейчас. Сможешь открыть портал?

– Миледи? – тут же насторожился господин Иггер, а «дворецкий» неуверенно помялся.

– Это нужно для повелителя, леди?

Я покачала головой.

– Нет, Ниг. Это нужно лично мне.

– Хорошо, – неожиданно решился он. – Я сделаю для вас портал. В ту самую беседку, с которой вы начали знакомство с садом. Но перед этим позвольте мне принести вам сухую одежду?

Я неверяще замерла, но он уже щелкнул пальцами и почти сразу сделал приглашающий жест.

– Прошу вас, госпожа. Сменная одежда ждет внутри. Когда вас забрать обратно?

– Я сама позову, – с трудом совладав с удивлением, благодарно кивнула я, после чего хотела было уйти, но тут наш командир не выдержал и все-таки загородил мне дорогу.

– Простите, миледи. Я, конечно, не вправе вам препятствовать или оспаривать ваши решения, но все-таки не могу не спросить: вам ТАМ будет безопасно?

– Да, сударь, – едва заметно улыбнулась я. – Благодарю за беспокойство.

– Необходимость посещения этого места действительно так важна для вас? – нахмурился наш командир. – Это на самом деле нужно сделать сегодня и прямо сейчас?

– После того, что случилось, я должна восстановиться.

– Быть может, я тоже смогу вам чем-то помочь? – тщательно подбирая слова, уточнил господин Иггер, старательно глядя куда-то в сторону.

Я уже хотела было отказаться (зачем мне в саду наблюдатели?), но потом почувствовала его взбудораженное состояние, ощутила его молчаливый вопрос и неожиданно кивнула.

– Честно говоря, я была бы благодарна, если бы вы какое-то время побыли рядом.

– Спасибо, миледи, – коротко отдал честь и наклонил голову валлионец, безуспешно пытаясь скрыть охватившее его облегчение.

Бедняга… боюсь, он лопнет, если я еще немного протяну с ответами на его вопросы. Или же в буквальном смысле слова начнет сходить с ума, потому что уже не знает, что сделать, как извернуться и каким образом меня уберечь, если то и дело выходит, что в самые важные моменты он просто не может быть рядом.

Вот уж кто беззаветно предан своему делу и готов на все, чтобы исполнить приказ своего сюзерена. Даже на то, чтобы упрямо спорить со мной, когда был отдан четкий приказ, и весьма неделикатно навязывать свою компанию, когда я уже дала понять, что в ней не нуждаюсь. Хотя… может, так даже лучше? Где я еще смогу все объяснить, будучи точно уверенной, что все сказанное не уйдет куда-то на сторону? Честно говоря, устала я все решать самостоятельно. И устала в одиночку разбираться с загадками, которые постоянно подбрасывает этот странный мир.

В конце концов, одна голова хорошо, а две лучше, не так ли? Вот и пусть господин Иггер тоже поломает свою голову, раз уж так желает приобщиться к чужим тайнам. Доверие мое он уже заслужил, показать себя тоже успел, поэтому…

Почему бы и нет?

Слово свое я сдержала и, как только мы оказались в беседке, а я переоделась, добросовестно доложила валлионцу последние новости. Насчет своих снов, правда, предпочла умолчать и, вообще, старательно избегала упоминаний о некоторых своих талантах, но он – ревностный последователь Аллара – все равно не повелся и, едва я замолкла, задал весьма щекотливый вопрос:

– Скажите, миледи: почему Тени возле покоев владыки вам подчинились?

Пристальный взгляд господина Иггера мне совсем не понравился, но выкрутиться было проблематично – он прекрасно видел, как ко мне относились охотники и как обращалась с ними я. Причем если в первый раз, на ужине, это еще можно было списать на возможности Ишты, то сейчас отрицать мою связь с

Изнанкой было нелепо. Проблема была в другом: в Валлионе до сих пор отношение к магам разума и приближенным к ним, мягко говоря, было не очень. Память о темном жреце еще долго не выветрится из людских голов, так что нет ничего удивительного в том, что командир смотрел на меня с таким вниманием. Вот только как ему сказать правду, ни словом ни делом не намекнув на «подвиги» господина Георса? И как сделать это так, чтобы не нарушить воцарившегося хрупкого мира с человеком, который, как мне кажется, был готов начать мне доверять?

Поняв, что увильнуть не получится, я тяжело вздохнула.

– Вы правы, господин Иггер: простая Хозяйка не сумела бы напрямую обратиться к созданиям Тени или со спокойной душой отдавать им приказы. Но дело в том, что я…

– Не обычная Ишта, – неожиданно улыбнулся командир. – Это я уже понял, миледи. И прекрасно знаю, что вы не должны передо мной отчитываться. Просто мне бы хотелось заранее знать, что от вас ожидать, и выяснить, в каких ситуациях я мог бы за вас… не так сильно волноваться.

Прислушавшись к эмоциям собеседника, я удивилась.

Ого… кажется, я напрасно посчитала его упрямым ортодоксом. Религия религией, но такое ощущение, что мои способности господина Иггера вовсе не испугали. Скорее, он… впечатлился и не более того. Ну и хотел бы, естественно, прояснить кое-что лично для себя, чтобы, как он выразился, иметь понятие, какие фортеля я еще способна выкинуть, и не сходить с ума там, где это совершенно не нужно.

Я с сомнением оглядела стоящего напротив мужчину и озадаченно потерла переносицу.

– Честно говоря, не знаю, что и сказать, сударь… не ожидала от вас такой покладистости. Для последователя Аллара ваши слова граничат с ересью, не находите?

Командир неожиданно усмехнулся.

– Раз уж даже его величество может обращаться к Тени и не испытывать после этого на себе гнев нашего бога и ал-лоара, то какое я имею право осуждать его за дабараэ? И какое имею право обвинять вас в связи с созданиями Изнанки, если многоуважаемый лорд да Миро, который, между прочим, сам является магом разума, не посчитал нужным это сделать?

Я кашлянула.

Ну да… как-то я подзабыла о том, что наличие у короля дабараэ больше не является тайной за семью печатями и что, по крайней мере, его доверенные лица совершенно точно знают, каким даром он обладает. Точно так же, как и Усатый Лис, и его родная дочь, и зять, и даже внук, который, судя по слухам, уже вовсю работает с дедом над огранкой своего таланта… наверное, я просто не привыкла к тому, чтобы в Валлионе так легко говорили о Тени и ее жителях. И частенько забываю о том, что те, кто полгода назад побывал на Тихом плато и своими глазами видел, как скароны расправляются с Тварями и демонами, вряд ли способны по-прежнему верить во всякую чепуху и без оглядки полагаться на многочисленные суеверия.

– Мои способности не врожденные, – осторожно призналась я, следя за реакцией собеседника. – В отличие от его величества, мне они не достались по наследству. И у меня не было учителей, которые с годами стремились их развить в нечто, напоминающее истинное дабараэ. Эти способности, скажем так, подарил мне брат…

– Какой именно? – без тени улыбки уточнил господин Иггер.

– Адамант.

– У вас есть брат-скарон, миледи? – вежливо переспросил командир, обдав меня волной искреннего изумления.

Я скромно потупилась.

– И не один.

– Вы полны загадок, – внезапно укорил меня господин Иггер, отчего я покаянно вздохнула.

– Вот и господин да Миро об этом постоянно твердит.

– Прекрасно понимаю его негодование. Хорошо, пусть будет Адамант. Тогда, вероятно, это означает, что вы приняты в один из родов Скарон-Ола?

– Вообще-то, – так же неловко кашлянула я, – в четыре рода. Старших. Что, как сами понимаете, накладывает на меня определенные обязательства по отношению к главам этих родов.

Командир поперхнулся.

– Не хотите ли вы сказать, что ваш брат-Адамант…

– Владыка-Адамант, – совсем уж скромно уточнила я, и он окончательно впал в ступор. – Брат, прекрасно зная, насколько Ишты уязвимы для Тени, придумал для меня защиту. Это своеобразная метка, которая демонстрирует нежити, что за мной стоит не только Знак, но целый клан. И если со мной что-либо случится, клан отомстит. Причем как живые его представители, так и мертвые. А поскольку скароны – личности не только увлекающиеся, но и очень бережно относящиеся к данному ими слову, то… вы следите за моей мыслью, господин Иггер?

Командир ошалело кивнул.

– Хорошо, – неуловимо улыбнулась я. – Значит, вы понимаете, почему я так уверена, что даже Купол и Тень не станут для них препятствием.

– А-а… другие рода скаронов? Вы сказали, что приняты в четыре.

– Старших, – улыбнулась я, и он запоздало охнул, только сейчас сообразив, что это значит. – И не столько рода, сколько клана.

Господин Иггер пораженно замер.

– Так ваши братья ВСЕ… владыки?!

Я снова улыбнулась.

– Ну почему же? Среди них есть еще пара неплохих магов, один наглый хвард, миррэ и даже… гм. Я ведь говорила, что у меня большая семья, так почему вы удивляетесь?

– Но я не знал!..

– И никто не знает, – тут же посерьезнела я. – Более того, я желаю, чтобы так оставалось как можно дольше. Это нужно моим братьям, это нужно мне и это просто необходимо при моем положении. Не сомневайтесь, господин да Миро в курсе этих особенностей и даже настоял на том, чтобы эти сведения не подвергались огласке. Если сомневаетесь, можете к нему обратиться и получить из первых уст интересующие вас сведения.

– Теперь я понимаю, почему он столь трепетно к вам относится, – растерянно взъерошил макушку господин Иггер. – И почему так настоятельно советовал к вам присмотреться… еще тогда, в самый первый день, когда его величество столь неожиданно заявил о помолвке… простите мои сомнения, миледи. И недоверие, которым я, возможно, задел вас при первой встрече. Я не совсем понимаю причины ваших поступков, но вы можете полностью на меня рассчитывать.

Я незаметно перевела дух.

– Благодарю вас.

– Сколько из того, что вы мне поведали, я могу рассказать своим людям? – вдруг осведомился он, испытующе поглядывая на мое спокойное лицо.

– Они уже задают вопросы?

– Постоянно. И мне с каждым разом становится все труднее на них отвечать, не выдавая вашей тайны.

– Расскажите то, что посчитаете нужным, – решила я. – Исходя из ваших знаний об этих парнях и той степени доверия, которой они пользуются.

– Все королевские Драконы принесли его величеству клятву на крови, – понимающе усмехнулся господин Иггер. – И все они подчиняются мне безоговорочно. Можете не сомневаться: дальше них эти сведения не уйдут.

– Тогда и рассуждать не о чем. Но я попрошу вас об одной услуге, сударь, – пристально посмотрела на него я. – Мне будет нужно, чтобы до следующего утра вы оставили меня одну.

– Здесь? – едва заметно дрогнул командир, кинув быстрый взгляд на раскинувшиеся за стенами беседки джунгли.

– Да. Это очень важно для моего самочувствия.

Господин Иггер тяжело вздохнул.

– Хорошо, миледи. Но прошу вас соблюдать осторожность в общении с посторонним Знаком и не забывать о том, что ваши братья сейчас находятся довольно далеко. Тогда как мои возможности по вашей охране крайне ограничены.

– Я все понимаю. Но боюсь, пока я восстанавливаюсь, здешние растения могут неправильно воспринять ваше присутствие – я не всегда их контролирую, поэтому не исключаю, что пребывание здесь может быть опасным для вашего здоровья.

– А вашего? – испытующе прищурился командир.

– Отношения с местным Знаком у меня довольно… своеобразные. Но пока нет оснований для беспокойства. Думаю, завтра я вернусь в свои покои.

– А разве вы не можете восстановиться во дворце?

Я развела руками.

– К сожалению, создатель этого замка позаботился о том, чтобы ни одной капли силы от Знака внутрь не проникало. По какой причине родился этот абсурдный замысел, не могу сказать, но факт остается фактом: вне стен дворца я верну силы гораздо быстрее.

– А повелитель?

– Про него не знаю, – призналась я. – Возможно, он знает иной способ восполнения потраченного резерва. А может, дворец не везде наглухо закрыт от сада. К сожалению, спросить не у кого, а разбираться самим – долго. Поэтому приходится использовать то, что под рукой.

Господин Иггер смерил меня задумчивым взором.

– Скажите, миледи, а в Валлионе вам когда-нибудь приходилось восстанавливать свои силы?

– Иными словами, вы хотите знать, приходилось ли мне их когда-либо тратить? – улыбнулась я. – Да, бывало. Особенно, когда была в разгаре та история с темным жрецом. Хотите еще что-нибудь уточнить по этой теме?

Командир, заглянув в мои хищно загоревшиеся глаза, мотнул головой.

– Боюсь, подобные тайны не для простых умов. Хватит и того, что я УЖЕ узнал, чтобы при малейшей оплошности отправиться на виселицу.

– Ну зачем же так мрачно? – хмыкнула я. – Думаю, господин да Миро подыщет вам какую-нибудь симпатичную камеру в королевской тюрьме… обеспечит интересным и крайне любознательным собеседником – например, таким, как королевский дознаватель. И только потом позовет своего личного палача, чтобы тот развеял ваше тоскливое одиночество.

Господин Иггер засопел.

– А вы шутница, миледи Гайдэ. Совсем как Лоран да Миро.

– Что вы, – мило улыбнулась я. – До господина начальника тайной стражи мне еще далеко. Да и не собираюсь я с ним соревноваться по части черного юмора. Думаю, одного такого «шутника» в Валлионе вполне достаточно.

– Не могу с вами не согласиться, – вздохнул командир. – Что мне делать, если завтра вы, вопреки всему, не появитесь в гостевом крыле?

Я ненадолго задумалась.

– Если что-то пойдет не так, вы все равно не сможете помочь. Но на всякий случай предупредите Нига, что, возможно, в скором времени его вызовет к себе повелитель и пожелает настойчиво расспросить о том, что случилось в его покоях.

– Нигу стоит о чем-то умолчать? – деликатно уточнил господин Иггер.

– Напротив. Пусть расскажет обо всем, что видел.

– И о вашем внеочередном посещении сада тоже?

Я кивнула.

– Если я все правильно понимаю, повелитель и так об этом узнает. Так что нет смысла что-либо утаивать. Тем более обмануть его у вас не получится.

– Как прикажете, миледи, – снова вздохнул господин Иггер и отступил на шаг. – Прошу прощения за свою настойчивость – я понимаю, что своим присутствием отдаляю время вашего отдыха. Но мне, несмотря ни на что, тревожно оставлять вас одну. К сожалению, в болоте я где-то обронил следящий амулет, поэтому не смогу вам помочь, если что-то случится. И это, сами понимаете, абсолютно не добавляет мне радости.

– А у вас был с собой следящий амулет? – удивилась я.

– У всех у нас были. Но, видимо, наложенные на болото охранительные заклинания поспособствовали их потере. Владыка же не зря сказал, что постарался обезопасить свой мир от вторжения чужаков?

Я только понимающе вздохнула.

Да, мой амулет тоже безвозвратно утоп в этом треклятом болоте, и не было никаких шансов вернуть его обратно. Разве что повелителя туда загнать и заставить просеивать липкую грязь в поисках семейной реликвии Каинноров? Или илэ Мариоло попросить испачкать свои коленки? Ха-ха. Забавное было бы зрелище… даже жаль, что я его никогда не увижу. Потому что даже если я сумею уговорить владыку заняться поисками пропавшего амулета (который, между нами говоря, на фиг ему не сдался), то он просто загонит в трясину толпу добросовестных коарани и величественно взмахнет ручкой, заставляя их носом землю рыть. А я не настолько жестокая, чтобы обрекать ни в чем не повинных людей и нелюдей выполнять мои капризы. Несмотря даже на то, что утраченная сапфировая капелька значила для меня гораздо больше, чем для кого-то – не дающийся в руки Знак.

Э-эх…

Встряхнувшись и отогнав ненужные мысли, я решительно шагнула к выходу из беседки.

– До свидания, господин Иггер.

– Удачи, миледи, – негромко отозвался командир, больше не делая попыток меня задержать. – Я буду ждать вас два дня. Но если к тому моменту вы не вернетесь, я заставлю Нига открыть для нас портал в эту беседку и начну искать ваше величество самостоятельно. И, скорее всего, вам это не понравится.

Я обернулась и пристально посмотрела на валлионца. Мне что, померещилось, или он действительно меня назвал?.. О-очень интересный феномен. Ну прямо-таки очень.

– Благодарю вас, господин Иггер. За понимание и предупреждение. Я постараюсь уложиться в срок.

Командир кивнул и отвернулся. А когда я, находясь в некоторой растерянности, вышла, зычным рявком вызвал в беседку Нига и почти сразу исчез в услужливо предоставленном телепорте.

Глава 5

Мне снова снится сон – тяжелый, тревожный и чересчур яркий для того, чтобы быть обычным. Я томлюсь в тесной клетке, откуда нет выхода. Вокруг – мрачные черные стены, сдавливающие меня со всех сторон, подо мной – такие же черные плиты, сквозь которые невозможно сделать подкоп, сверху – низко нависший потолок, заставляющий то и дело униженно пригибать голову. И я сижу в этой тюрьме годы… столетия… безнадежно исследуя холодный камень в попытке когда-нибудь отыскать хотя бы крохотный шанс на спасение.

Сжавшись в комок, я затравленно смотрю на окружающие меня стены.

Ненавижу… Аллар милосердный, как же я их ненавижу!

Да… когда-то эта ненависть была обжигающей. Когда-то она была сродни бурлящей лаве, готовой вырваться на волю при малейшей оплошности тюремщика. Но с годами бушующая ярость угасла, постепенно перекипела, притихла, смирившись с уготованной ролью узницы. Много раз потерпев неудачу, она все-таки сдалась на милость победителя. И теперь лишь изредка напоминает о себе вялыми всплесками недовольства. Например, такими, как сейчас, когда дежурящий снаружи охранник спит и какое-то время не может меня услышать.

Впрочем, какое мне теперь дело до этого смертного? Одного из многих, кто когда-то решил, что сумеет меня обмануть?

За время моего заточения их было немало – хитроумных двуногих существ, желавших меня подчинить. Двуличных, изобретательных, коварных… так много, что я уже даже не запоминаю их лиц. Сперва они внимательно смотрят, стараясь разглядеть то, что от меня осталось. Потом пробуют разговаривать. Просить. Говорить красивые слова и что-то обещать. Затем уже требуют, не получая ответа. Наконец, злятся и отбирают то, что им нужно, насильно, на удивление верно угадывая моменты моей слабости и точным ударом ослабляя меня еще больше.

Так было много раз. Одинаково. Противно. Лживо. Один и тот же сценарий. Одни и те же слова и увещевания. Один и тот же обман… но, к счастью, он никогда не длится слишком долго. Столетие-два-три – и смертные меняют друг друга, уступая почетное место тюремщика и гордо именуя себя хранителем…

Глупцы. Настоящий хранитель давно покинул меня и больше не откликается на зов. Когда-то давно он еще пытался сюда пробиться… а его младшие дети и сейчас еще стараются ему помочь. Причем иногда я даже слышу их жаркое дыхание возле своих границ и смутно ощущаю их тоску и безнадежное отчаяние… но они слабы… теперь они стали слишком слабы, чтобы сломать прутья моей темницы и помочь мне обрести свободу.

Увы. Надежды ни у кого из нас уже не осталось. Даже у меня. Впрочем, сил не осталось тоже – прошли тысячелетия с тех пор, как меня заключили в проклятую клетку. Немного, конечно, для того, кем мне доводилось быть, но если каждый миг от души забирать по кусочку – что от нее останется на исходе всего лишь одного тысячелетия? А что останется, если этих тысячелетий прошло не одно, а гораздо… гораздо больше?

Тяжело вздыхаю, с тоской оглядывая стены своей тюрьмы.

Я ненавижу ее точно так же, как и в первый день своего заключения. Но если тогда мне еще хотелось вырваться, то теперь уже все равно. Не осталось ни сил, не желания бороться… одна лишь тоска по утраченному еще вяло царапается внутри. И время от времени устало грызет неподатливый камень, который давит на меня, как могильная плита. Впрочем, мне действительно уже все равно. Я слишком давно так живу, чтобы обращать на нее внимание. Конечно, если такое бессмысленное существование можно назвать подобием жизни.

Наверное, только одно еще удерживает меня от последнего решения – драгоценность, доверенная богами и волею случая оказавшаяся в заточении вместе со мной. Мой Знак. Мое сердце. Мое самое уязвимое место, которое тем не менее до сих пор мне удавалось сохранить в неприкосновенности. Ни одному их тех, кто веками ждал моего согласия, это сокровище не удалось заполучить в полной мере. Коснуться ненадолго – да. Забрать часть моих сил, наивно веря, что это именно то, что они ищут – конечно. Для того, чтобы защитить свою душу, я пойду на многое, если того потребуют обстоятельства. Даже смирюсь со своей участью, сдамся, умолкну навеки, но никогда и при каких обстоятельствах не предам то, что так часто предают люди…

Как ни удивительно, обмануть их оказалось совсем несложно. Не зная, что именно искать, они с таким воодушевлением кидались на заманчиво яркий цветок, выдаваемый мною за истину, что какое-то время это казалось даже смешным.

Потом мне стало грустно.

Затем – все равно.

И теперь я лишь равнодушно слежу за тем, как раз за разом эти глупцы попадают в свою собственную ловушку, не в силах понять, что и я могу у них чему-нибудь научиться.

Впрочем, последний тюремщик превзошел всех остальных по части изобретательства. Таких настырных мне, пожалуй, не доводилось видеть. Уже два века с половиной прошло, а он все еще упорствует. Пытается чего-то добиться. Настаивает. Долго просиживает на пороге моей тюрьмы и почему-то думает, что этого достаточно для того, чтобы вернуть утраченное доверие… да, однажды он совершил то, что казалось невозможным, но, видимо, лишь потому, что и сам не понимал, что творит. А когда опомнился, стало уже поздно что-либо менять, хотя, наверное, только это в один из дней удержало меня от того, чтобы забрать его жизнь в уплату грехов целого рода…

Возможно, кто-то скажет, что я просто сжился с мыслью о плене, побоялся рисковать тем, что имею, и, наверное, будет в чем-то прав. Потому что единственный раз, когда человек полностью мне открылся, став таким же уязвимым, как я, мне пришлось оставить его в покое. Да, мне хотелось его уничтожить. Хотелось так страстно, что я едва сумел остановиться. Но все-таки, несмотря ни на что, мне удалось удержаться от этого сомнительного решения. А потом я просто привык к тому, что он по-прежнему рядом и все еще чего-то ждет, просит, разговаривает, увещевает.

Впрочем, сейчас мне уже нет нужды слушать его речи или ждать от него понимания. Его время давно прошло. Его шанс безвозвратно упущен. Предательство… еще одно. Абсолютно такое же, как и раньше. А еще высокомерие. Нежелание принимать истину. Неправильная сила. Неправильный дар. И, что самое главное, неправильные устремления… воистину он – достойный потомок своего проклятого рода. Не умеющий ни слушать, ни

смотреть, ни замечать важных деталей. Совсем как ОНИ. Он так же самоуверен. Холоден. Равнодушен. И даже тот единственный раз, когда я сумел заглянуть в его душу и не стал ее трогать, не дает ему права что-либо требовать.

Да и разве мог бы потомок Проклятых стать моим хранителем?

Мог бы удержать в руках то сокровище, которое так истово жаждет заполучить?

Снова вздыхаю и угрюмо смотрю за зарешеченное окно.

Увы, но больше в моей тюрьме нет ничего интересного. Хотя недавно заглянувшая в него Пустота оказалась близка к тому, чтобы отбить охоту туда смотреть.

Впрочем, мне и она уже не страшна. Вечная противница, соперница, сестра… такая же холодная и мрачная, как бог, который ее создал.

Я не осуждаю ее. Отнюдь. Просто думаю о том, что было бы, если бы вчера она сумела ворваться. Сколько бы мне тогда удалось протянуть? Оборот? Два? Три? И что бы потом осталось от моего сокровища?

Кроме горстки праха, наверное, ничего – Пустоту не интересует ничто иное. А мне, наверное, все еще жаль было отдавать Ей самое дорогое, и только этим можно объяснить ту вялую попытку к сопротивлению. Правда, никто не ожидал, что до меня хоть кому-то окажется дело, но даже вмешательство извне, приведшее к поспешному уходу Тени, не способно ничего изменить.

Да, я чувствую сейчас в себе присутствие той крохотной искорки, которая сумела ненадолго отсрочить мою гибель. Она до смешного мала, но при этом поразительно упряма и безмерно любопытна. Она и сейчас не утратила своей индивидуальности. Прислушивается к моим вязким мыслям. Удивляется чему-то. Иногда хмурится. Мрачнеет, когда сознает, что раньше ей показывали лишь малую часть того, что действительно меня составляет. Ей не нравится это открытие. Ей тоже кажется, что это – обман. И тут она безусловно права. И правильно сердится, настороженно изучая мое древнее тело. Но, несмотря ни на что, она зачем-то старается в себе… вернее, во мне разобраться.

Пустое…

Наверное, ей просто повезло войти в мой карцер, минуя чуткого охранника. Но если поначалу мне показалось, что из этого может что-то получиться, то сейчас, видя ее отстраненность, я все больше склоняюсь к мысли, что и эта надежда оказалась ложной.

Почему?

Да потому, что кроха, поначалу зачем-то подарившая мне толику своих сил и не испугавшаяся моего общества, вдруг не захотела пройти обязательную проверку. Решительно отвернулась от дара, который до нее предлагался лишь единицам. Конечно, она не отказалась меня выслушать… точнее, она и сейчас продолжает меня внимательно слушать… но, кроме сочувствия, я от нее больше ничего не жду.

Какая теперь разница, если она узнает чуть больше или услышит не только отголоски былой радости, которой мне удалось с ней поделиться? Какая разница, если вместо отживших свое чувств я покажу ей истинное нутро? И если она, наконец, узнает, что я давно и искусно умеют лгать? Причем не столько другим, сколько себе самому?

Все равно это ничего не изменит…

Хочет она увидеть этот мир без прикрас?

Хочет понять, почему я упорно скрываю ото всех истинное положение дел?

Хочет смотреть на то, как я умираю?

Хорошо. Я дам ей возможность это увидеть.

Хочет почувствовать то, что чувствую сейчас я… пускай. Горечь от этого не уменьшится. А боль, хоть и станет чуточку легче, никуда уже не денется. Как и тоска, и печаль, и тот мертвый груз похороненных в веках надежд, который тяжелой плитой давит на мои плечи…

Что? Тебе больно, незнакомая кроха?

Я же говорил, что ты напрасно упорствуешь.

Ты плачешь и кусаешь губы, чтобы не закричать?

Но я ведь не утверждал, что это будет просто.

Тебе стало трудно дышать? У тебя тоже открылись старые раны в душе… ого… как их, оказывается, много… наверное, даже слишком много для такой искорки, как ты… и они невероятно глубоки для той, чья жизнь – лишь крохотный проблеск в глазах равнодушной Вечности…

Кроха, да ты сумасшедшая, если предлагаешь взглянуть на тебя поближе! Ты думаешь, это просто – вместить в себя настоящий Знак… ох… да как же тебя угораздило разделить эту тяжкую участь четырежды? Как, в пятый раз?! Нет… такого не может быть! Как ты живешь с этой ношей?!

Молча?!

А ты шутница, кроха. Откуда же ты такая взялась?!

Всматриваюсь в маленькую искорку внимательнее и недоуменно замираю.

А она меня не боится. Странно. И ее не пугают ни моя древность, ни слабость, ни смирение.

Ей не нравится, что я сдался. Ее раздражают моя покорность и безразличие. А еще она до крови кусает губы, чтобы понять, почему это произошло…

Эх, кроха… Сколько веков я ждал того, кто сумеет меня хотя бы услышать, не говоря уж о том, чтобы понять и разделить со мной Вечность. Вот ты понимаешь… вроде бы. Конечно, как бы не поняла, если до меня с тобой уже пять раз говорили мои старшие братья и сестры. Интересно, что они в тебе нашли? Такая маленькая, слабая человечка… хотя нет. Кажется, я ошибочно посчитал тебя человечкой – в твоих жилах течет кровь не только смертных, но и оборотней, очень необычных магов, одному из которых разрешено напрямую

обращаться к Тени. А еще там есть…

Я пораженно замираю, рассматривая на ладони слабую искорку чужой души. Она лежит очень тихо, спокойно, доверчиво согревая мои пальцы своим удивительным теплом. И она поет мне… действительно поет! На старом, почти забытом языке, каждое слово которого отзывается в моем теле сладкой истомой.

Я помню его… далекое небо! Эти слова, благословенные звуки изначальной речи, которые напоминают о том, что еще рано сдаваться. Стыдно тосковать. И совсем не время опускать руки.

Наверное, кроха не знает, что иногда бывают дни, когда ничего, кроме тоски, не остается… хотя нет. Я вижу в ее прошлом целые годы, наполненные бессмыслицей и ненужной суетой. Но, несмотря на это, она все равно поет! Утешает МЕНЯ! Стремится ободрить! Помочь! Встряхнуть и заставить хоть что-то сделать…

Я грустно улыбаюсь, молча говоря ей, что она опоздала со своими советами, а она в это время по-прежнему поет. Зовет куда-то. Настойчиво, смело. О чем-то спрашивает. Чего-то требует. А потом вдруг начинает расти – стремительно и неумолимо. В считанные мгновения, будто получив откуда-то мощный поток невидимых мне сил, становится шире, больше, ярче! Вот она уже не помещается на моей руке… вот стала еще больше, радостно осветив мрачные стены моего узилища… вот заставляет меня изумленно отшатнуться, а сама растет дальше, словно сердясь на то, что ее пытаются ограничить.

Я недоуменно слежу за ней и хочу спросить: КАК?! И зачем все это, если шансов все равно не осталось?!

Но она не дает мне времени на размышления. Разросшись до невероятных размеров, она уже упирается в прутья решетки. Раздраженно мигает и, коснувшись прочной стены, упрямо вгрызается в камень. Ей больно – я вижу. Ей очень тяжело ломать мою тюрьму… но она, позабыв про боль, настойчиво рвется на свободу. Стремится. Летит прочь, отринув сомнения и обиду. И столько нерастраченных сил в ее порыве, столько энергии, упрямства и даже ярости… что моя тюрьма содрогается до основания и негодующе скрипит, отчаянно не желая выпускать это маленькое солнце.

А потом зачарованные прутья с отвратительным скрежетом выходят из пазов, и я растерянно смотрю на узкое окно, неожиданно лишившееся решетки. Неверяще слежу за тем, как победно вспыхнувшее солнце устремляется наверх, к недоступному для меня небу, где разгорается еще ярче и бьет по глазам так, что мне приходится зажмуриться. А потом упрямо вскинуть голову и увидеть, как это чудо возвращается, по пути так же стремительно уменьшаясь в размерах. Сперва становится небольшим светящимся шаром, уверенно протискивающимся сквозь образовавшуюся дыру. Затем уменьшается еще больше, аккуратно зависнув над моей рукой. Наконец, опускается обратно на ладонь и, согрев ее теплом, от которого затрещали и внезапно разомкнулись мои оковы, удовлетворенно вздыхает. Так, словно сделала именно то, для чего была предназначена.

Маленькая, невесомая и кажущаяся такой беззащитной искорка чужой души, у которой тем не менее хватило сил, чтобы разбить мои цепи…

Растерянно смыкаю ладони, плохо понимая, что же сейчас произошло. Потом поспешно размыкаю их снова, чтобы убедиться, что не повредил эту кроху. Невольно улыбаюсь, когда она насмешливо подмигивает в ответ, и тихо-тихо, чтобы не услышал тюремщик, шепчу:

– Спасибо, кроха, что попыталась вернуть мне свободу…

Когда я открыла глаза, вокруг снова было темно. Ни ветерка, ни звука, ни даже легкого шевеления листвы над моей головой. Интересно, еще ночь или это УЖЕ на дворе потемнело? И если верно последнее утверждение, то не нарушила ли я договоренности с господином Иггером?

Повернув голову, с удивлением обнаружила себя лежащей в каком-то подобие гамака, сплетенном ветвями старого дерева. Причем довольно далеко от земли. Метра три навскидку, не меньше. Лежу себе, покачиваясь в свое удовольствие. Хорошо, тепло, удобно…

Хм. Вот только зачем было так высоко меня поднимать? Хищников тут вроде нет.

Попробовав пошевелиться и показав свое стремление спуститься, я без труда оказалась на земле. Настороженно себя оглядела, расправила помявшийся

подол, но, убедившись, что все в полном порядке, растерянно огляделась.

Ну и сон у меня был! Настолько реалистичный, что, пожалуй, претендует на полноценное видение. Правда, последний раз нечто подобное со мной случилось на Равнине, когда я Дангора пришибла, а тут… гм. Действительно странно.

Прислушавшись к себе, я удивленно замерла и, ощутив присутствие постороннего, обернулась. А когда увидела, как со стоящего неподалеку плетеного кресла неторопливо поднимается живой и невредимый повелитель, свела брови к переносице.

– Что вы здесь делаете, сударь?

Мужчина сделал шаг по направлению ко мне, но, заметив, как недвусмысленно шевельнулись окружавшие меня со всех сторон ветки, благоразумно остановился.

– Прошу прощения, – тихо сказал он, внимательно изучая мое озадаченное лицо. – Я не хотел вас напугать.

– С некоторых пор напугать меня довольно сложно. Но увидеть вас здесь я действительно не ожидала. Как вы себя чувствуете?

– Благодарю, неплохо.

Я так же внимательно оглядела владыку и скептически поджала губы: на мой взгляд, выглядел он отвратительно. Худой, как скелет, все еще бледный, словно умертвие. Ослабленный и откровенно вымотанный недавними событиями. Глаза запавшие, на лбу появились глубокие морщины, а взгляд настолько тусклый, что поневоле закрадывается мысль – а тот ли это человек, который неделю назад пытался меня сломать?

– Мне кажется, вы слишком рано встали, – наконец, заключила я. – Для вашего здоровья это неполезно.

– Я должен был вас найти, чтобы задать несколько вопросов.

Заметив прикушенную губу мужчины и только сейчас осознав, каких трудов ему стоило сюда прийти, я поспешила подойти ближе.

– Я готова с вами поговорить.

– Благодарю, – вымученно улыбнулся он, но сел только тогда, когда я сообразила, что слишком долго туплю, и торопливо опустилась на сидение.

Блин. Ну вот зачем он благородного рыцаря изображает, а? Издалека же видно, что его сейчас любой комар сшибет с ног и, не запыхавшись, полетит дальше? На меня, если он не понял, впечатление производить уже не надо – я его давно составила. А вот рисковать собой после тяжелого недуга глупо. Неужели он этого не понимает?!

– Вы беспокоитесь за меня, – неожиданно заметил владыка, позволив себе еще одну слабую улыбку. – И это на удивление приятно.

Я проворчала:

– Вы совсем себя не бережете. У вас проблемы с даром еще не закончились. Одно малейшее напряжение, и тут можно будет играть в снежки. Сразу после ваших торжественных похорон, конечно.

– Я не настолько слаб, – возразил повелитель.

Я выразительно промолчала, и он с досадой отвернулся.

– Хорошо, – сдалась я. Этого типа переупрямить – себе дороже. Наверное, проще действительно поговорить и отправить его поскорее прочь, чтобы не терзал и без того уязвленное самолюбие. – О чем вы хотели меня спросить?

– Зачем вы мне помогли?

– Что? – сперва не поняла я.

Повелитель поднял взгляд и очень внимательно на меня посмотрел.

– Я спросил: зачем вы мне помогли?

– А что, не надо было? – вконец озадачилась я. Но потом поняла, что ему действительно важно услышать ответ, и пожала плечами. – Я посчитала, что ваша смерть – явление преждевременное и совершенно не вписывается в мои планы. К тому же мы заключили договор о взаимопомощи, и мне показалось, что данная ситуация как раз под него подпадает. Я удовлетворила ваше любопытство, сударь?

Повелитель непонятно от чего напрягся.

– И это – единственная причина?

Я вздохнула.

– Иногда у меня складывается впечатление, что когда мужчину хорошенько стукнут по голове, он, когда очнется, на какое-то время теряет способность трезво мыслить. Мне нужно повторить свои слова?

– Нет, – так же тихо сказал он. – Но я бы хотел услышать ВСЕ причины, побудившие вас рисковать собой.

– Кто вам сказал, что я рисковала? – тут же нахмурилась я.

– Я умею читать следы аур, леди, – натянуто улыбнулся владыка. – И могу распознать, в каком состоянии ко мне приходили и уходили люди, которые к тому же имели неосторожность пользоваться своими силами в присутствии моих сторожевых заклятий.

Я поморщилась. Вот как знала я, что без сюрпризов прожить не удастся. И прямо чуяла, что здешняя магическая наука мало в чем отстала от достижений многоуважаемого господина да Миро.

– Я прошу вас ответить, – неожиданно попросил повелитель, устало сгорбившись. – Не требую… просто прошу. Для меня это действительно важно.

Я снова вздохнула.

– Раз вы задаете этот вопрос, значит, ничего не знаете об Иштах, сударь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/lisina_aleksandra/shestoy-znak-tom-vtoroy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити